СБОРНИКЪ

ПЕНЗЕНСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

Выпускъ VI.

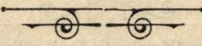
Изданіе Пензенскаго Губернскаго Статистич. Комитета.

Пенза.
Типографія Губернскаго Правленія.
1905.

СБОРНИКЪ
ПЕНЗЕНСКАГО
ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

Выпускъ VI.

Изданіе Пензенскаго Губернскаго Статистич. Комитета.

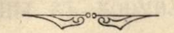
Пенза.
ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.
1905.

Напечатано по постановленію Общаго Собранія Губернск. Статист. Комитета.

I. НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Собралъ

Дѣйст. Членъ Пенз. Губ. Стат. Комитета А. И. Троицкій.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ бытность свою преподавателемъ словесности въ Пензенской духовной семинаріи я однажды далъ своимъ ученикамъ, для письменнаго упражненія, тему: «Какъ я провелъ минувшія рождественскія каникулы». Въ работѣ одного изъ нихъ я прочиталъ, что въ ихъ мѣстности наканунѣ новаго года крестьянская молодежь «ходитъ по домамъ и поетъ «Таусень» и «Овсень». Меня очень заинтересовало, что въ Пензенскомъ краѣ сохранились столь древнія обрядовыя пѣсни язычества, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ курсахъ по исторіи русской словесности онѣ считаются уцѣлѣвшими только въ Малороссіи. Но принявъ во вниманіе условія жизни Пензенскихъ крестьянъ, я пришелъ къ убѣжденію, что здѣсь-то и должна была уцѣлѣть древняя народная пѣсня. Занимаясь по преимуществу земледѣліемъ, крестьяне-пензяки искони крѣпко были привязаны къ мѣсту своего жительства, прочными узами соединены съ кормилицей землей; они всегда мало уходили на стороннія заработки и не растрачивали богатства вѣковой старины по другимъ странамъ отечества. Равнымъ образомъ, и пришлый элементъ, который могъ бы принесенной новизной вытѣснить мало по малу изъ памяти народной достояніе старины, былъ всегда весьма незначителенъ: въ этомъ краѣ, удаленномъ отъ культурныхъ и промышленныхъ центровъ и стоящемъ въ сторонѣ отъ главной водной артеріи государства—рѣки Волги, не было такого постояннаго прочнаго дѣла, которое бы привлекло постороннюю рабочую силу. Такимъ образомъ, отцы вмѣстѣ съ земледѣльческимъ занятіемъ передавали своимъ дѣтямъ и унаслѣдованное ими отъ предковъ духовное богатство.

Такого рода соображенія и привели меня къ мысли собрать уцѣлѣвшія въ Пензенской губерніи старинныя пѣсни. За содѣйствіемъ я обратился къ своимъ ученикамъ, громадное большинство которыхъ—жители деревни *); при чемъ предварительно имъ была разъяснена цѣль предпринимаемаго дѣла и его значеніе. Они съ готовностью отозвались на мое приглашеніе и въ разное время доставили мнѣ свыше 200 №№ пѣсенъ, распѣваемыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи. Вмѣстѣ съ старинными пѣснями мои юные собиратели занесли въ свои тетрадки и пѣсни новѣйшія, которыя я не счелъ нужнымъ опускать изъ даннаго собранія: онѣ интересны, во 1-хъ, для сравненія съ прежней—старинной поэзіей, во 2-хъ,—какъ отраженіе современной жизни народа. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ нашего сборника не имѣютъ надлежащаго стихотворнаго склада: могло это произойти отъ недосмотра записчика, отъ забвенія первоначальнаго строя пѣсни или послѣдующаго его измѣненія; а можетъ быть, пѣсня въ такомъ видѣ вышла изъ устъ ея слагателя: отсутствіе стихотворнаго размѣра при пѣніи не такъ замѣтно, какъ при произношеніи пѣсни. Въ пѣсняхъ мы старались всюду оставить записанныя особенности областного выговора, какъ это дѣлалось извѣстными собирателями: Кирѣевскимъ, Безсоновымъ и др.

На предлагаемое собраніе пѣсенъ я смотрю, какъ только на починъ дѣла, который найдетъ себѣ болѣе опытныхъ и умѣлыхъ продолжателей; только при этомъ условіи можно дать наукѣ цѣнный матеріалъ для изслѣдованій и выводовъ.

*) Такой способъ изученія духовной жизни народа, въ виду близости нашего духовенства къ послѣднему, является наиболѣе вѣрнымъ. Къ нему стало обращаться и наше высшее ученое учрежденіе—Академія Наукъ: въ концѣ 90-хъ г.г. прошлаго столѣтія по духовнымъ семинаріямъ были разосланы Академіей программы для собиранія особенностей говора нѣкоторыхъ мѣстностей нашего отечества. Къ этому дѣлу тоже приложили свои силы мои воспитанники и свыше 10 заполненныхъ брошюръ-программъ начальствомъ семинаріи было отправлено въ Академію Наукъ.

Объясненіе нѣкоторыхъ—мало-понятныхъ словъ дано по академическому словарю изд. 1867 г. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы путемъ печатнаго слова выразить благодарность своимъ собирателямъ—сотрудникамъ, которые въ настоящее время уже оставили школьную скамью, вступили на разныя поприща дѣятельности родной земли и лучше могутъ оцѣнить, какую услугу они въ свое время оказали мнѣ.

А. Троицкій.

I. Пѣсни обрядовыя.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщены пѣсни, большинство которыхъ въ отдаленную старину пѣлось при совершеніи языческихъ религіозныхъ обрядовъ. Теперь обряды эти обратились въ игры молодежи, а изъ пѣсенъ изгладилось ихъ религіозное содержаніе, и онѣ приняли характеръ бытовыхъ— примѣнительно къ различнымъ явленіямъ жизни народной. Сюда же мы отнесли и произведенія христіанскаго происхожденія: это—рѣчи, которыя содержатъ прославленіе родившагося Господа и которыя славельщиками обыкновенно произносятся послѣ рождественскаго тропаря и кондака, въ качествѣ привѣтствія хозяевамъ.

а) **Святочныя.**

Святочныя пѣсни деревенская молодежь поетъ наканунѣ Новаго года.

№ 1-й.

Вечеромъ подъ Новый годъ дѣвки подростки подходятъ къ окну и одна спрашиваетъ.

Чанны ворота
Посконная борода.
Спѣть-ли вамъ таусеньку?

Затѣмъ всѣ поютъ:

Благослови насъ, Богъ:
Завтра Новый Годъ,
Всѣ святые вечера.
Таусень!

Собирался Иванъ (имя хозяина дома)
Ко заутрени;
Надѣвалъ кафтанъ
Во сто рублей;
Подпоясывалъ
Кушакъ въ тысячу;
Надѣвалъ шляпу
Цѣны нѣту.
Таусень!

У Ивана Господина
Молодая жена;
Она часто лежитъ,
Все прихварываетъ,
Ивана господина
Все обманываетъ
Таусень!
«Поѣзжай въ Москву
«Купи парчу;
«Я за эту за парчу
«Тѣ (тебѣ) сама заплачу:
«Либо сына рожу,
«Либо дочь хорошу
Таусень!

Въ заключеніе опять поетъ одна:

Подавайте, не ломайте,
Не закусывайте!
Не дадите пирога,
Сведемъ корову за рога!

Посопная Пелетьма, Мокш. у.

№ 2-й.

Мы ходили, мы гуляли по святымъ вечерамъ,
Таусень, таусень, по святымъ вечерамъ!
Мы ходили, мы искали Михаила *) дворъ.
Таусень, таусень Михаила дворъ!.
Мы нашли его, нашли среди Москвы
Таусень, таусень,—среди Москвы!
Среди Москвы ворота красны,—
Таусень, таусень,—ворота красны!
Середи его двора стоятъ три терема,—
Таусень, таусень,—стоятъ, три терема!
Какъ во первомъ терему—свѣтелъ мѣсяцъ N *)
Таусень, таусень,—свѣтелъ мѣсяцъ N! *)
Какъ во второмъ терему—красно солнышко, его женушка
Таусень, таусень,—его женушка!
Какъ въ третьемъ терему—часты звѣздочки, его дѣточки
Таусень, таусень,—часты звѣздочки,—его дѣточки!

Затѣмъ слѣдуетъ поздравленіе хозяина съ Новымъ годомъ, съ Новымъ счастьемъ, и просятъ за пѣніе дать имъ что-нибудь изъ съѣстного.

Поляны, Чембарск. у.

*) Имя хозяина.

№ 3-й.

Какъ кричатъ «*Усеньки*»*) ребята.

Ужъ ты сивая свинья,
На дубу гнѣздо свила,
Поросятокъ вывела.
Поросяты полосаты
По сучкамъ пошли,
А одинъ упалъ,
Ко мнѣ въ кузовъ попалъ,
Веретена перломалъ.
Веретена неточены—
У нихъ пятки золочены.
Таусень!

Базарныя Дубровки, Красн. у.

№ 4-й.

Усень коляда!
На барскомъ дворѣ
Чего дѣлала?
Коней пасла.
Чего выпасла?
Коня въ сѣдлѣ—
Въ золотойуздѣ.
Игдѣ **) твой конь?
За ворота ушелъ.
Игдѣ ворота?
Водой унесло.
Игдѣ вода?
Быки выпили.
Игдѣ быки?
За горы ушли.
Игдѣ горы?
Черви выточили.
Игдѣ черви?
Гуси выклевали.
Игдѣ гуси?
Въ тростникъ ушли.
Игдѣ тростникъ?
Дѣвки выломали.
Игдѣ дѣвки?
За мужья ушли.
Игдѣ мужья?
Въ овинѣ сидятъ.
Кривы лопатки плетутъ.
На базаръ волокутъ.
Блинъ, да лепешку
Въ верхне окошко
Поросячью ножку.

---

*) Видоизмѣненіе Авсень, Овсень—Усень.
**) Гдѣ.

Эту же самую пѣсню начинаютъ еще такъ.

Таусень!
Игдѣ была?
Коней пасла
Игдѣ кони?
За ворота ушли
Игдѣ ворота?
Водой унесло и т. д.

С. Качелаево, Наровчатскаго уѣзда.

№ 5-й.

Ты сорока дуда
Идѣ ты была?
Я коней стерегла.
Той овсень, той овсень!
Идѣ кони?
За воротами стоятъ.
Идѣ ворота?
Вода поняла.
Той овсень, той овсень!
Идѣ вода?
Быки выпили.
Идѣ быки?
Въ тростникъ ушли.
Той овсень, той овсень!
Идѣ тростникъ?
Дѣвки выломали.
Идѣ дѣвки?
За мужья ушли.
Той овсень, той овсень!
Идѣ мужья?
Въ тюрьмахъ сидятъ.
Идѣ тюрьмы?
За горами стоятъ.
Той овсень, той овсень!
Идѣ горы?
Черви выточили.
Идѣ черви?
Гуси выклевали.
Той овсень, той овсень!
Идѣ гуси?
Орелъ побилъ.
Идѣ орелъ?
За сине море улетѣлъ.
Той овсень, той овсень!
Дайте кашку,
А то къ стѣнкѣ пришкну;
Дайте конецъ пирога,
А кто не дастъ пирога,
Уведу корову за рога,

Студенка, Чембарскаго уѣзда.

№ 6-й.

Ой овсень, ой овсень!
Ой, ты, заюшка, горностаюшка,
Гдѣ ты былъ побывалъ? Я
коней стерегалъ.
Ой овсень, ой овсень!
Гдѣ кони? За воротами стоятъ.
Ой овсень, ой овсень!
Гдѣ ворота? Вода поняла.
Ой овсень, ой овсень!
Гдѣ вода? Быки выпили
Ой овсень, ой овсень!
Гдѣ быки? Въ тростникъ ушли.
Ой овсень, ой овсень!
Гдѣ тростникъ? Дѣвки выломали.
Ой овсень, ой овсень!
Гдѣ дѣвки? За мужья вышли.
Ой овсень, ой овсень!
Гдѣ мужья? Въ горы ушли.
Ой овсень, ой овсень!
Гдѣ горы? Черви выточили,
Ой овсень, ой овсень!
Гдѣ черви? Гуси выклевали.
Ой овсень, ой овсень!
Гдѣ гуси? Орелъ побилъ.
Ой овсень, ой овсень!
Гдѣ орелъ? На сине море
улетѣлъ.
Ой овсень, ой овсень!

Затѣмъ поздравленіе и просьба.

С. Обвалъ, Чембарскаго уѣзда.

№ 7-й.

Мужу съ женой.

Изъ поля, поля,
Изъ чиста поля
Ой, Авсень!
Пригнали сторожья
Къ Михаилу *) на дворъ.
Ой, Авсень!
Михаилъ государь
Спитъ не проснется.
Ой, Авсень!
Михаилъ государь,
Проснись-пробудись.
Ой, Авсень!
Твой города
Татары взяли.
Ой, Авсень!

---

*) Какое угодно имя.

Татары взялись,
Торгой [1]) облеглись,
Ой, Авсень!
Михаилъ государь [2]).
Исполошился [3]).
Ой, Авсень!
Да есть-ли при мнѣ
Слуги вѣрные?
Ой, Авсень!
Слуги вѣрные,
Послы вольные?
Ой, Авсень!
Подайте мнѣ коня ворона,
Коня ворона не ѣзженаго.
Ой, Авсень!
Вы дайте-ка мнѣ
Сѣдло новое.
Ой, Авсень!
Вы дайте-ка мнѣ
Плеть шелковую,
Ой, Авсень!
Вы дайте ка мнѣ
Мечъ почолнушка.
Ой, Авсень!
Я самъ поѣду
Во чисто поле.
Ой, Авсень!

Я самъ поѣду,
Татаръ догляжу,
Ой, Авсень!
Татаръ догляжу,
Конемъ столочу [4]),
Ой, Авсень!
Конемъ столочу,
Мечемъ прикочу
Ой, Авсень!
Мечемъ прикочу,
Плетью прихлыщу.
Ой, Авсень!
У Михаила жена
Во добрѣ хороша,
Ой, Авсень!
Во добрѣ хороша,
Настасья [2]) душа.
Ой, Авсень!
Настасья душа
По сѣнямъ прошла,
Ой, Авсень!
По сѣнямъ прошла,
Сѣни погнула,
Ой, Авсень!
Во теремъ вошла,
Теремъ освѣтила,
Ой, Авсень!

---

1) Рынкомъ, ярмаркой.

2) Какое угодно имя.

3) Встревожился.

4) Притопчу.

Въ этомъ терему
Гости сидятъ,
Ой, Авсень!
Она этимъ гостямъ
Поклонъ отдала,
Ой, Авсень!
Поклонъ отдала,
По рюмкѣ вина,
Ой, Авсень!
По рюмкѣ вина,
По чаркѣ меду.
Ой, Авсень!
Не пора-ли вамъ хозяюшки,
Авсенюшкамъ дарить?
Ой, Авсень!
Пора подарить,
Чѣмъ Богъ надѣлитъ,
Ой, Авсень!
Не рублемъ, полтиной,
Золотой гривной;
Ой, Авсень!
А гривенки нѣтъ,
По рюмкѣ вина,
Ой, Авсень!
По рюмкѣ вина,
По чаркѣ меду.
Ой, Авсень!

Алексѣевка, Керенскаго у.

№ 8-й.

Молодымъ парнямъ.

Не у мѣсяца
Золоты рога,
Таусень!
Не у солнышка
Лучи ясные горятъ,
Таусень!
У Григорья *) государя
Кудри русыя
Таусень!
По плечамъ у него кудри
Порасчесаны,
Таусень!
Серебромъ у него кудри
Пересыпаны,
Таусень!
Жемчугомъ у него
Перевиваны.
Таусень!
Ужъ и вышелъ бы Григорій
На улицу гулять.
Таусень!
Тутъ ѣхали
Князья-бояре;
Таусень!

*) Какое угодно имя.

Они этому диву
Сдивовалися!
Таусень!
Да ужъ и чье же это дитятко
Порожено?
Таусень!
Не красно ли его солнышко
Породило?
Таусень!
Не свѣтелъ ли его мѣсяцъ
Воспоилъ-воскормилъ.
Таусень!
Не часты ли его звѣзды
Возлелѣяли?
Таусень!

Тутъ возговорилъ
Григорій государь:
Таусень!
«Ужъ вы, глупые бояре,
Не разумны господа!
Таусень!
Породила меня
Родна матушка,
Таусень!
Воспоилъ-воскормилъ
Родной батюшка,
Таусень!
Возлелѣяла меня
Родна бабушка.
Таусень!

Студечки, Чембарскаго у.

№ 9-й.

Какъ у мѣсяца какъ у свѣтлаго
Лучи въ золотѣ.
Какъ у Ванюшки у Петровича
Кудри русые въ три ряда.
Кудри завивалися
Въ четвертый рядъ,
По плечамъ лежатъ.
Красотѣ его дивовалися:
«Что за дитятко, что за милое уродилося?
Не заря ли его воспородила?
Не свѣтелъ-ли мѣсяцъ воспоилъ воскормилъ?
Не часты-ли звѣзды возлелѣяли?»

Воспородила меня матушка,
Воспоилъ, воскормилъ родной батюшка,
Возлелѣяли няньки мамушки,
Красны дѣвушки
На тесовенькой кроватушкѣ,
На пуховенькой перинушкѣ,
Подъ шелковымъ одѣялецомъ.

Сулакъ, Чембарскаго у.

№ 10-й.

Таусень!
Благослови-ка, Богъ, утра Новый годъ
Таусень!
И святые вечера.
Таусень!
Какъ у мѣсяца золотые рога,
Таусень!
А у краснаго солнца очи ясныя
Таусень!
У Ванюшки кудри русые порасчесаные
Таусень!
По плечикамъ кудри разложены
Таусень!
Выходилъ же Иванушка на улицу играть.
Таусень!
Онъ на улицу играть, въ калену стрѣлу стрѣлять.
Таусень!
Соѣзжались, солетались всѣ бояре господа;
Таусень!
Всѣ бояре господа дивовалися.
Таусень!

Какъ и чье это дѣтинушка порожено?
Таусень!
Породила его родна матушка,
Таусень!
Воспоилъ, воскормилъ родной батюшка,
Таусень!
Возлелѣяла его больша сестра Машенька
Таусень!
Кто и насъ надѣлитъ, того Богъ наградитъ
Таусень!
Уродилъ-бы Богъ бѣлу ярову пшеницу
Таусень!
Уколосисту, умолотисту,
Таусень!
Изъ колоса осьминку [1]), изъ зерна пирожокъ,
Таусень!
По ночевочкамъ [2]) пирогъ, по ночевочкамъ широкъ
Таусень!
Съ топорище пирогъ высокъ,
Таусень!
Не томите, не морите красныхъ дѣвокъ подъ окномъ,
Таусень!
Подавайте, не ломайте, не закусывайте
Таусень!

Афишки, Городищенск. у.

---

[1]) Восьмую часть мѣры.

[2]) «Ночевки»—деревянная, продолговатая (въ видѣ лодки) посуда, въ которую складываютъ просѣянную для хлѣбовъ муку.

№ 11-й.

Какъ у Ванюшки
Бѣлы кудрюшки
Таусень!
Расчесалъ, размахалъ,
Онъ къ обѣденкѣ пошелъ
Таусень!
Онъ къ обѣденкѣ идетъ,
Словно уточка плыветъ.
Таусень!
У обѣденки стоитъ,
Словно свѣчечка горитъ
Таусень!
Богу молится,
Низко кланится.
Таусень!
Всѣ бояре, господа
Сдивовалися
Таусень!
И попы и дьячки
Оглянулися.
Таусень!
Что такое за дите
Зарожено хорошо?
Таусень!
Зародила его
Родна матушка.
Таусень!
Воспоилъ, воскормилъ
Родимъ батюшка
Таусень!
Воскачала возлелѣяла
Родна бабушка.
Таусень!

Базарныя Дубровки, Красносл. у.

№ 12-й.

Какъ у мѣсяца золоты рога,
Какъ у солнышка очи ясныя.
У Ивана Петровича кудри русыя
По плечамъ лежатъ,
Словно жаръ горятъ,
Жениться велятъ.
Ты женись, женись, добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, Иванъ Петровичъ.
Онъ сряжался, онъ сряжался
Ко заутреньки;

Одѣвалъ шубу новую,
Шубу новую дубленую;
Кушакъ шелковый,
Шапку плисовую.
Таусень!

Базарныя Дубровки, Красносл. у.

№ 13-й.

(Про дѣвицу).

Ягодка красна,
Земляничка красна.
Таусень!
Машенька красна,
Свѣтъ Ивановна умна.
Таусень!
Попрасилась Маша
Во зеленый садъ гулять.
Таусень!
Во зеленый садъ гулять
Соловьевъ послушать.
Таусень!
Соловьины пѣсенки,
Дѣвочка, заманчивы.
Таусень!
Обманутъ тебя, дитя,
На чужую сторону.
Таусень!
Ко чужему отцу
Ко чужей-то матери.
Таусень!

Оброчное, Красносл. у.

№ 14-й.

Ужъ ты ягодка красна
Во сыромъ бору росла.
Таусень (2 раза).
Вотъ росла, росла, росла,
Больша выросла.
Таусень (2 раза).
Не пора-ли, не пораль
Нашу Машу сватать?
Таусень (2 раза).
Мы и свата пошлемъ
И другого пошлемъ.
Таусень (2 раза).

Мы и третьяго пошлемъ
И по рукамъ убьемъ.
Таусень (2 раза).
Мы и Машу уведемъ
Ко чужой матери.
Таусень (2 раза).
На чужую сторону
Ко чужому отцу.
Таусень (2 раза).

С. Базарныя Дубровки, Красносл. у.

№ 15-й.

Ужъ ты клюковка красна
Во сыромъ бору росла.
Василиса хороша
Все у батюшки росла.
Она тропочку тропила
Все узехонько,
Она Богу-то молилась
Все низехонько.
Туто ѣхали бояре
Сдивавалися:
Да, ужъ чье это дите
Богу молится,
Низко клонится?
Мы пойдемъ, пойдемъ
Посвататься.
Мы не сами пойдемъ,
Мы людей пошлемъ;
Мы богатыхъ мужиковъ
Мы Курашкиныхъ, мы Степашкиныхъ.
Таусень!

Базарныя Дубровки, Красносл. у.

№ 16-й.

Таусень, таусень!
Летѣлъ, летѣлъ соколокъ
Черезъ бабушкинъ дворокъ,
Потерялъ сапожекъ.
Въ сопожкѣ-то пирожекъ;
Пышка, лепешка
Свининая ножка
Въ печи сидитъ
На насъ глядитъ.
Подавай, не ломай
Не закусывай!

С. Константиновка, Пензенск. у.

б) Весеннія.

Семикъ.

За три дня передъ Троицей, а именно въ четвергъ, бываетъ дѣвичій праздникъ, называемый «семикомъ». Съ утра до обѣда всѣ дѣвицы приносятъ изъ дому въ ту избу, гдѣ осенью и зимой были *посидѣлки*, хлѣба, пшена, молока, яицъ и другихъ припасовъ для своего праздника. Хозяйка избы приготовляетъ имъ обѣдъ (молочную кашу и яичницу), а они идутъ въ рощу, гдѣ срубаютъ березку, украшаютъ ее платками, бусами, вѣнками; завиваютъ вѣнки, надѣваютъ ихъ на головы и поютъ подъ пляску слѣдующую пѣсню:

№ 17-й.

«Во лузьяхъ, лузьяхъ, зеленыихъ лузьяхъ
Выростала трава шелковая;
Расцвѣли цвѣты лазоревые.
Какъ я той травою выкормлю коня;
А я выкормлю и выглажу его;
Поведу я коня къ батюшкѣ.
«Государь ты, мой батюшка,
Ты пришли-ка слово ласковое,
Отведи слово привѣтливое».

После этого въ вѣнкахъ всѣ идутъ на рѣчку и бросаютъ вѣнки въ воду, говоря: «Чей вѣнокъ потонетъ, того мать умретъ». Если вѣнокъ потонетъ, то вѣрятъ, что случится въ этомъ году съ дѣвушкой что-нибудь дурное; а если не потонетъ, а поплыветъ внизъ по рѣкѣ, то все будетъ хорошо: жениха найдетъ красиваго, замужъ выйдетъ. Въ это же время немного въ сторонѣ отъ дѣвушекъ парни клянутся въ дружбѣ. Это происходитъ такъ: одинъ парень беретъ вѣнокъ и вѣшаетъ въ середину его крестикъ; два парня,

заключающіе союзъ, въ одно время разбѣжавшись съ разныхъ сторонъ, прикладываются къ крестику; затѣмъ снимаютъ свои кресты и мѣняются ими. Съ этихъ поръ между ними дружба считается неразрывною.

Послѣ этого дѣвушки, соединясь съ толпой парней, отъ рѣки идутъ на село, къ хозяйкѣ, приготовлявшей имъ обѣдъ и, подойдя къ воротамъ, поютъ:

№ 18-й.

«Хозяюшка! чистъ-ли дворъ?».
—Старый, не ходи на мой дворъ:
Мой дворикъ не метенъ,
Мой и теремъ не топленъ,
Мой и садикъ весь посохъ.
Ровня иди на мой дворъ.
Мой дворикъ выметенъ,
И мой теремъ вытопленъ,
И мой садикъ весь расцвѣлъ».

Пропѣвъ пѣсню, всѣ входятъ въ избу и принимаются за обѣдъ, причемъ каждая дѣвица своей ложкой кормитъ любимаго парня. Послѣ обѣда до полночи играютъ, поютъ пѣсни и пляшутъ.

Развиваютъ вѣнки уже женщины на второй день Троицы. Послѣ обѣда молодыя женщины идутъ въ лѣсъ, ломаютъ тамъ вѣтки и идутъ къ рѣкѣ, гдѣ бросаютъ ихъ въ воду съ различными пѣснями.

Алексѣевка, Керенскаго у.

№ 19-й.

Ой весна! Ой красна! *)
Ты куда ушла, куда дѣлася?
Гдѣ старухи то сидѣли:
Кулакомъ землю пробили,

*) «Поютъ на Троицынъ день, когда идутъ завивать вѣнки».

Про невѣстушекъ судили:
У меня невѣстка,
Такова, сякова,
Неурядливая, недогадливая.
Безъ муки хлѣбы мѣсила,
Безъ воды кисель цѣдила,
Блины полбенные, неубол-
танные,
Поставила на дрожжахъ,
Ихъ не сдержишь на воз-
жахъ.
Прибавила вару,
Убѣгли къ амбару;
Прибавила гущи,
Они еще пуще.
Поставила красна *),
Имъ девятая весна—
На десяту перешла.
На коклюшкахъ **) на стану
Трава выросла.
На прошести—на стану
Клушка цыплятъ вывела.

Аришка, Городищ. у.

№ 20-й.

Пѣсня на Троицу при бросаніи въ воду вѣнка.

Всѣ вѣнки посверхъ воды,
А мой потонулъ.
Всѣ друзья гостинцы шлютъ,
А мой не прислалъ.
Всѣ друзья домой идутъ
А мой не пришелъ.

Базарныя Дубровки, Красн. у.

№ 21-й.

Хороводная пѣсня на красную горку.

Скакалъ, плясалъ воробу-
шекъ.
Гдѣ и гдѣ Ладу!
Онъ манилъ, онъ манилъ
Красныхъ дѣвушекъ.
Гдѣ и гдѣ Ладу!
Какъ и дѣвки говорятъ:
Намъ своя воля играти.
Гдѣ и гдѣ Ладу!
А молодки говорятъ:
Намъ нѣту воли играти.
Гдѣ и гдѣ Ладу!

---

*) Красна, станъ—налаженный для тканья.
**) Коклюшки—палки дла навиванья нитокъ.

Намъ мужья не велятъ,
Намъ мужья не велятъ:
Дитя кричитъ
Гдѣ и гдѣ Ладу!
Ужъ я мужнину грозу
Въ узелокъ завяжу,
Гдѣ и гдѣ Ладу!
Въ узелокъ завяжу,
Въ уголокъ положу.
Гдѣ и гдѣ Ладу!
Узелокъ-то лежитъ,
Уголочекъ-то дрожитъ.
Гдѣ и гдѣ Ладу!

Студенки, Чембарскаго у.

№ 22-й.

Весною молодыя женщины, раздѣлившись на два хора, поютъ слѣдующую пѣсню:

1-й хоръ: Мы чищобу чистили, чистили.
Припѣвъ: Ой, Дидъ-Ладо, чистили, чистили.
2-й хоръ: А мы хворостъ таскали, таскали.
Припѣвъ: Ой, Дидъ-Ладо, таскали, таскали.
1) Мы чищобу пахали, пахали.
Ой, Дидъ-Ладо пахали, пахали.
2) Мы чищобу борнавали, борнавали.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
1) А мы просо сѣяли, сѣяли.
Ой, Дидъ-Ладо . . . . .
2) А мы просо ломали, ломали.
Ой, Дидъ-Ладо . . . . . .
1) А мы просо пололи, пололи.
Ой, Дидъ-Ладо . . . . . .
2) А мы просо валили, валили *).
Ой, Дидъ-Ладо . . . . .
1) А мы просо вязали, вязали.
Ой, Дидъ-Ладо . . . . .

---

*) Жали, косили.

2) А мы просо копнили, копнили.
Ой, Дидъ-Ладо . . . . . .
1) А мы копны считали, считали.
Ой, Дидъ-Ладо . . . . . .
2) А мы просо возили, возили.
Ой, Дидъ-Ладо . . . . . .
1) А мы просо молотили, молотили.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
2) А мы просо вѣяли, вѣяли.
Ой, Дидъ-Ладо . . . . .
1) А мы просо мѣряли, мѣряли.
Ой, Дидъ-Ладо . . . . .
2) А мы мѣры считали, считали.
Ой, Дидъ-Ладо . . . . . .
1) А мы въ амбаръ ссыпали, ссыпали.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
2) А мы амбаръ запирали, запирали.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
1) А мы ключи принимали, принимали.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
2) А мы коней запустимъ, запустимъ.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
1) А мы коней изловимъ, изловимъ.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
2) Чѣмъ же вы ихъ словите, словите.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
1) Шелковыми поводами, поводами.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
2) А мы коней выкупимъ, выкупимъ.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
1) Чѣмъ-же вы ихъ выкупите, выкупите.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .

2) Мы дадимъ сто рублей, сто рублей.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
1) Намъ не надо сто рублей, сто рублей.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
2) А мы дадимъ тысячу, тысячу.
Ой, Дидъ, Ладо . . . .
1) Намъ не надо тысячи, тысячи.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
2) А мы дадимъ смѣты нѣтъ, смѣты нѣтъ.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
1) Намъ не надо смѣты нѣтъ, смѣты нѣтъ.
Ой, Дидъ Ладо . . . .
2) Чего-же вамъ надобно, надобно.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
1) Намъ надобно дѣвушку, дѣвушку.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
2) За дѣвушку денежку, денежку.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
1) За молодца сто рублей, сто рублей.
Ой, Дидъ-Ладо . . . .
2) За молодца надо дѣвушку, дѣвушку.
Ой, Дидъ-Ладо, дѣвушку, дѣвушку.

Алексѣевка, Керенскаго у.

№ 23-й.

1) Ой, царевня, а мы къ вамъ ѣдемъ,
Ой, царевня, перевозимся.
2) Ой, Бояре! за какимъ дѣломъ?
Ой, Бояре! за какимъ дѣломъ?
1) Ой, царевня! мы за дѣвками,
Ой, царевня! мы за красными,

2) Ой, бояре! у насъ дѣвокъ нѣтъ,
Ой, бояре! у насъ красныхъ нѣтъ!...
1) Ой, царевня! у васъ дѣвки есть,
Ой, царевня! у васъ красны есть.
2) Ой, бояре! да не доросли. 2 раза.
1) Ой, царевня! дѣвки доросли. 2 раза.
2) Ой, бояре! даровъ нѣтъ. 2 раза.
1) Ой, царевня! дары въ торгу. 2 раза.
2) Ой, бояре! дары дороги. 2 раза.
1) Ой, царевня! дары дешевы. 2 раза.
2) Ой, бояре! вамъ которую, 2 раза.
1) Ой, царевня! намъ (Настасьюшку),
Ой, царевня! намъ Васильевну.
2) Ой, бояре! за котораго? 2 раза.
1) Ой, царевня! намъ за Васеньку,
Ой, царевня! за Михалыча.
1) Въ нашемъ полку прибыло, прибыло.
Ой, Дидъ-Ладо! прибыло, прибыло.
2) А въ нашемъ полку убыло, убыло.
Ой, Дидъ-Ладо! убыло, убыло.

Алексѣевка, Керенскаго у.

№ 24-й.

Рѣчь.

1. Христосъ родился,
Въ вертепѣ вселился,
И въ бѣдныхъ ясляхъ
Помѣстился.
Надъ вертепомъ звѣзда сіяла,
«Христосъ родился»
Всѣмъ возвѣщала.

Во вертепъ приходятъ ему
Цари и князи,
Христу приносятъ
Драгіе камни.
    На колѣна вси они пали,
    Съ великимъ страхомъ молиться стали
    Молились долго, Христу молились
    И святой вѣрой тутъ озарились.

Базарныя Дубровки, Красн. у.

№ 25-й.

Рѣчь.

Идутъ, спѣшатъ волхвы съ востока
За путеводною звѣздой,
Сіявшей въ небѣ одиноко,
Идутъ, поспѣшною стопой.
    Несутъ дары, и въ чистой вѣрѣ
    На поклоненіе пришли,
    Христа рожденнаго въ пещерѣ,
    Въ глубокой полночи нашли.
    Лежалъ онъ въ ясляхъ тихъ, прекрасенъ
    Съ улыбкой дивной на устахъ,
И Божій промыселъ такъ ясенъ
Не на земныхъ его чертахъ.
Сіяли звѣзды огневыя
Вокругъ царила тишина;
Взошла торжественно луна,
Лучи бросая золотыя.
    И хоры Ангеловъ толпой,
    Слетѣвши къ Божьему чертогу,

Въ тотъ часъ великій и святой
Запѣли: «Слава въ вышнихъ Богу

Поютъ инокини Красносл. женск. монастыря.

№ 26-й.

Виѳлеемскій царь и пастухъ.

Царь. Послушай, ты кто такой,
Любезный другъ?
Пастухъ. Я изъ ближайшаго села
Сельскій пастухъ.
Царь. Зачѣмъ же ты сюда пришелъ?
И что же ты здѣсь нашелъ?
Пастухъ. Я пришелъ чудо посмотрѣть—
Младенца Божія узрѣть.
Царь. Развѣ тебѣ превозвѣщено *сіе* чудо,
Что младенецъ произойдетъ отсюда?
Не лучше-ли тебѣ убираться,
Къ своимъ овечкамъ пробираться.
Пастухъ. Я, кажется, вамъ не мѣшаю.
Я на Бога посмотрѣть весьма желаю
А вы, какъ мужъ почтенный,
Богатствомъ и славой облеченный
Зачѣмъ пришли въ вертепъ къ Богу Сему?
Царь. Въ немъ родился второй Моисей.
Я его мудрость уважаю
И, какъ Бога, почитаю;
Принесъ ему несчетные дары.
Пастухъ. А мы пришли съ горы,
Насъ Ангелы послали,
Которы воспѣвали:
«Слава въ Вышнихъ Богу».
А вы кто такой?

Царь. Меня зовутъ
«Персидскій царь».
Я древній звѣздочетъ,
Блистатель звѣздовъ и каметъ.
Пастухъ. А вѣрно вы ученый человѣкъ?
Царь. Точно такъ,
Учился я свой вѣкъ;
Теперь я дневно науки провожаю.
Что есть и будетъ
Все узнаю.
Пастухъ. Скажи же ты,
Мудрецъ чудесный,
Кто есть Младенецъ
Сей небесный,
Его-же силы Ангельскія воспѣваютъ.
Царь. Онъ есть и будетъ Царь царей,
Его же власть надъ небомъ и землею.
А какъ же ты объ немъ узналъ?
Пастухъ. Объ этомъ мнѣ Ангелъ сказалъ.
Царь. Неужели это могло быть?
Пастухъ. Вселенной творецъ все можетъ сотворить.
Царь. Ну, что же дальше будетъ, ну?
Пастухъ. Вчера мы были на стану:
Я стадо сберегалъ.
Царь. Смотри, чтобъ ты не лгалъ.
Пастухъ. Ей-ей не лгу;
Скажу тебѣ точь-въ-точь,
Что слышалъ и видѣлъ
Въ прошедшую ночь:
Окончивъ свой пастушскій столъ,
Стеречь стада мой чередъ пришелъ.
Товарищи мои легли заснуть,

А я не могъ глаза сомкнуть:
Я что-то все боялся,
Чтобы волкъ къ моимъ овечкамъ не подкрался.
На небѣ какъ будто громъ загремѣлъ,
Я такъ и оторопѣлъ.

Царь. Ну, это все тебѣ во снѣ приснилось.

Пастухъ. Сначала я такъ думалъ самъ,
Но, взоръ поднявши къ небесамъ,
Вижу прекраснаго юношу:
Летитъ, летитъ по воздуху
И надо мной остановился;
И я ему низко поклонился,
И онъ меня немного приподнялъ
И такую рѣчь съ улыбкою сказалъ:
«Вотъ видишь, пастушокъ, звѣзда,
«Ступай за нею на востокъ, туда.

Царь. Что же ты отвѣчалъ тогда?

Пастухъ. Ни нѣтъ, ни да;
Я слышалъ и молчалъ,
А Ангелъ продолжалъ:
«Скорѣй товарищей буди,
И въ Виѳлеемъ иди».
Товарищи мои проснулись
И сильно ужаснулись.

Царь. Что же вы сдѣлали тогда?

Пастухъ. Вотъ видишь-ли, сія звѣзда
Привела насъ сюда.

Царь. Что-же спорить намъ съ тобой
Давай помолимся молитвою святой,
Да дастъ Господь намъ радость всѣмъ вкусить.
А вамъ на многія и многія лѣта пожить.

Базарныя Дубровки, Красносл. у.

II. Свадебныя пѣсни.

Задумавъ женить сына, родители посылаютъ въ домъ невѣсты сваху. Послѣдняя, явившись въ назначенный домъ, косвенно приступаетъ къ дѣлу: намекаетъ о купцѣ и товарѣ. При этомъ невѣста уходитъ на улицу или къ сосѣдямъ. Если родители невѣсты скажутъ свахѣ: «подумаемъ», то она, явившись въ домъ жениха, сообщаетъ кратко: «не отказали». Послѣ этого женихъ уже не рѣшается сватать себѣ другой невѣсты, хотя бы представлялась гораздо лучшая партія: поступить иначе—значитъ осмѣять невѣсту. Еще рѣшительнѣе оканчивается судьба жениха, когда родители невѣсты передадутъ чрезъ сваху, чтобы сватающіе приходили къ нимъ съ виномъ. Вечеромъ того-же дня родители жениха въ сопровожденіи другихъ своихъ родственниковъ отправляются въ домъ невѣсты для заключенія брачныхъ условій, неся съ собою завѣтный полуштофъ вина. При первомъ приходѣ они принимаются какъ частные посѣтители; съ заключеніемъ-же брачныхъ условій на столъ постилается скатерть, кладется хлѣбъ и соль, а отецъ жениха предлагаетъ свой полуштофъ вина, за который принимаются не раньше, какъ послѣ молитвы, для чего предварительно затепливается передъ иконою свѣча. По уходѣ сватовъ, или отца жениха, въ избу входитъ невѣста, которая въ продолженіе этого времени находилась у сосѣдей. Войдя въ избу, она подходитъ къ отцу и начинаетъ причитать:

№ 27-й.

«Родимый мой батюшка!
Чѣмъ я тебѣ досадушку досадила
Чѣмъ я согрубушку согрубила?

За что ты, батюшка, распрогнѣвался на меня?
Кинулся ты, батюшка,
На стаканъ вина,
Кинулась моя матушка
На золоту казну.
Стаканъ вина
На вѣкъ упрекъ,
Золота казна—
Горючи слезы».

Если женихъ не по сердцу невѣстѣ, она прибавляетъ:

«Не выбралъ ты, батюшка!
Въ лѣсу-лѣса;
Не выбрала ты, матушка!
Въ людяхъ-людей».

Но видя, что судьба ея рѣшена, невѣста остатокъ дней до свадьбы проводитъ въ печали; для чего обычное, лучшее свое одѣяніе перемѣняетъ на черное, поношенное платье, въ которомъ и остается до дня свадьбы. Въ такомъ положеніи невѣсту навѣщаютъ подруги. Завидя подругъ, входящихъ къ ней, она, сидя съ понуренною головою, начинаетъ слезно голосить:

№ 28-й.

«Вы подите ко мнѣ, подруженьки!
Да къ моему-то горю, да великому,
Къ моей тоскѣ, кручинушкѣ:
Не обезсудьте мои, подруженьки,
Вольныя голубушки,
Что не встрѣтила я васъ
На пути-дороженькѣ,
Среди двора широкаго,
Среди крыльца высокаго,
Не за спѣсью я, не за гордостью,
Я васъ не встрѣтила,
А за своимъ горемъ великіимъ».

Видя подругъ своихъ, пользующихся свободою, и страшась подневольной судьбы, которая ожидаетъ ее въ будущемъ, невѣста начинаетъ оплакивать предъ ними свое житье дѣвичье.

№ 29-й.

«Свѣтъ ты моя воля,
Воля дѣвичья!
Поди-ка ты моя воля
Во чисто поле,
Въ темные лѣса,
Гуляй моя воля,
Не загуливайся,
Меня горькую
Въ чужихъ людяхъ
Провѣдывай».

Мысль быть подневольной терзаетъ ее. Считая виновниками такого положенія своихъ родителей, она подходитъ къ отцу, бросается къ ногамъ его и голоситъ:

№ 30-й.

«Родимый мой, батюшка,
Чѣмъ я досадушку тебѣ досадила,
Чѣмъ я согрубушку-согрубила?
Что ты смѣнялъ меня
На стаканъ вина,
Не попомни моей досадушки,
Не попомни моей согрубушки!
Досадила я тебѣ
Съ глупа разума,
Согрубила тебѣ
Съ чужой науки!»

Неизвѣстность будущаго и незнаніе, какъ вести себя въ чужомъ домѣ, волнуетъ душу невѣсты и заставляетъ ее обливаться горючими слезами. Въ кругу своихъ семьянъ она ищетъ себѣ совѣтника въ этомъ дѣлѣ, совѣтника опытнаго, котораго и находитъ въ своей снохѣ. Она обращается къ ней съ такими причитаніями:

№ 31-й.

«Любезная невѣстушка!
Спрошу тебя понадѣючи,
А ты скажи пожалѣючи,
Какъ въ чужихъ людяхъ жить,
Какъ на чужихъ людей угождать?»

Та, обнимая ее, отвѣчаетъ:

№ 32-й.

«Милая моя, сестрицынька,
Вѣрь или не вѣрь моему слову
Оно истинно:
Пойду-ль скоро,
Скажутъ—скороспѣшка,
Пойду-ль тихо,
Скажутъ—тихошка».

Наканунѣ свадьбы семьяне считаютъ долгомъ вытопить баню и обмыть невѣсту, куда идетъ она въ сопровожденіи своихъ подругъ. По приходѣ изъ бани она благодаритъ своихъ семьянъ:

№ 33-й.

«Спасибо тебѣ, батюшка,
На сухихъ дровицахъ!
Спасибо тебѣ, матушка,
На пару, на банькѣ!
Спасибо тебѣ, братецъ,
На святой водицѣ!
Спасибо тебѣ, невѣстушка,
На шелковомъ вѣникѣ».

Вечеромъ, наканунѣ свадьбы, крестный отецъ жениха, или какой-либо другой родственникъ ѣдетъ въ домъ невѣсты съ подаркомъ отъ жениха. Привозитъ шубу, башмаки, теплые сапоги и вообще, что выговорено, или какъ называютъ крестьяне «кладку». Невѣста, забравшись въ уголъ, съ поникшею головою ожидаетъ пріѣзда поѣзжанъ. Вотъ въ дверяхъ избы показывается поѣзжанинъ, неся въ одной рукѣ ведро браги, а въ другой подарокъ невѣстѣ. «Здравствуйте, сватушки, ждали-ли гостей къ себѣ?» говоритъ онъ, не переходя еще порога. «Какъ не ждать, соскучились ждавши», отвѣчаетъ отецъ невѣсты. Входя въ избу, пріѣхавшій кладетъ подарокъ на столъ, а брагу выливаетъ въ заранѣе приготовленное ведро, которое стоитъ на краю стола. Невѣста, завидѣвъ входящихъ гостей, окруженная подругами, начинаетъ причитывать:

№ 34-й.

«Испугалось мое серьдеченько,
Подломились мои рѣзвы ноженьки,
Опустились бѣлы рученьки,
Свалилась моя буйная головушка!»

Отецъ и мать, видя неумѣстныя слезы дочери при такой радости, которая предстоитъ имъ, начинаютъ утѣшать дочь свою. Невѣста умолкаетъ. Засимъ начинается угощеніе. Прежде всего угощаетъ хозяевъ новопріѣзжій гость: вынувъ изъ кармана полуштофъ вина и закуску, онъ обноситъ всю родню невѣсты. Затѣмъ отецъ невѣсты сажаетъ поѣзжанъ за столъ и предлагаетъ имъ свое угощеніе. По выходѣ изъ стола поѣзжанамъ вручается отдарокъ отъ невѣсты жениху: рубашка, поясъ и крестъ. Проводивъ гостей, невѣста обращается къ отцу съ причитаніями:

№ 35-й.

«Что у тебя, батюшка,
За пиръ, за бесѣдушка,
Или ты, батюшка,
Сына женишь,
Сноху въ домъ приводишь?
Ты не сына женишь,
Не сноху приводишь,
А свою слугу вѣрную избываешь».

Отецъ, мать и вся родня жениха отправляются въ домъ жениха, а дѣвицы—подруги, изрѣдка навѣщавшіе невѣсту, остаются провести съ ней послѣднюю ночь, приготовляя все нужное къ вѣнцу. Темная ночь не усыпляетъ горестныхъ чувствъ невѣсты. Она не смыкаетъ своихъ очей и первая пробуждаетъ своихъ подругъ отъ сладкаго сна, причитывая:

№ 36-й.

«Любезныя мои подруженьки,
Вставайте сизыя голубушки,
Спалась-ли вамъ темна ноченька

У моего у батюшки?
А мнѣ горькой мало спалось,
Да много бредилось.
Приснился мнѣ сонъ престрашный:
Будто моего батюшку обидѣли,
А матушку ограбили,
Меня горькую въ полонъ взяли;
Мою косу русую
Молніей сожгло,
Буйную головушку
Громомъ разшибло».

Если есть у невѣсты братъ, то она будитъ и его:

№ 37-й.

«Вставай ты, мой братецъ!
На дворѣ-то свѣтъ бѣлешенекъ,
Заря бѣлая занимается,
Мои недруги въ путь собираются,
Ненавистнички снаряжаются.
Хотятъ меня горькую
Разлучить съ вами.
Ты ступай-ка милый братецъ,
Въ зелену рощу.
Ты возьми-ка востеръ топоръ,
Сруби бѣлую березыньку,
Завали-ка путь—дороженьку,
Чтобы мои недруги
Не прошли, не проѣхали».

Если невѣста сирота, то она, по пробужденіи подругъ, отправляется на сельское кладбище къ могиламъ родителей и плачетъ:

№ 38-й.

«Родимый мой, батюшка (матушка)!
Чуетъ-ли твое сердечушко,
Чуетъ-ли твое ретивое
Во сырой землѣ?
Не плачутъ-ли твои очи ясныя
Во сырой землѣ?

Будучи не въ состояніи своими силами пробудитъ спящихъ родителей, она обращается за помощью къ вѣтру, дождю и другимъ стихіямъ природы:

№ 39 й.

«Повѣйте вѣтры
Со чиста поля,
Надуйте, навѣйте,
Вѣтры буйные

Тучу грозную.
Стань ты, тученька,
Надъ батюшкиною могилкой.
Поди изъ той тучи,
Силенъ дождь.
Размочи ты, дождь,
Мать—сыру землю,
Упади изъ той тучи
Бѣлъ-горючъ камень.
Расшиби-ка ты батюшкину гробницу.
Повѣйте, вѣтры буйные,
Со чиста поля,
Свѣйте вы съ батюшки крышечку.
Раскинь-ка ты, батюшка,
Свои бѣлы крылушки;
Раскрой-ка, батюшка,
Свои очи ясныя!
Прилети-ка ты, батюшка,
На свое широкое подворище;
Взойди-ка, батюшка,
Въ свою свѣтлу горенку,
Сядь-ка ты, батюшка,
Подъ переднее окошечко.
Послушай-ка, мой батюшка,
Жалкую пѣсенку:
Какъ твоя сирота горькая,
Сокручается (снаряжается).
Сокрутушки мои горькія,
Снарядушки—слезовыя.
Не батюшка меня сокручаетъ,
Сокручаютъ меня добрые люди».

Въ домѣ жениха наканунѣ свадьбы пекутъ такъ называемый «сыръ-каравай». На печеніе этого хлѣба обращается большое вниманіе. Сажать его въ печь приглашаютъ лицъ, совершенно стороннихъ, мужа съ женою, отличающихся хорошею жизнію и любовію другъ къ другу. Для большей аккуратности и чистоты подъ тѣсто подстилается листъ чистой бумаги, а на краяхъ лопаты зажигаются свѣчи. Предъ посадкою мужъ и жена цѣлуются другъ съ другомъ и потомъ оба, взявшись за рукоятку лопатки, сажаютъ коровай въ печь.

По окончаніи этого церемоніальнаго печенія хлѣба родители жениха приглашаютъ «сажающихъ» за столъ и предлагаютъ имъ угощеніе.

Часа за два до вѣнчанія начинается одѣваніе невѣсты къ вѣнцу, сопровождаемое пѣснями. По окончаніи одѣванія

невѣста начинаетъ прощаться съ подругами. Грустное чувство невѣсты при разставаніи съ подругами выражается въ пѣснѣ:

№ 40-й.

«Покрасуйтесь мои подруженьки
У кормильца своего батюшки,
У родимой матушки.
А я горькая открасовалась:
Отошли мои дни гулливые,
Прокладливые;
Подойдутъ ко мнѣ горькой
Дни учетные,
Часы урошливые».

Когда покажется поѣздъ отъ жениха во главѣ съ дружкою, невѣсту сажаютъ въ передній уголъ, покрывъ ее шалью. Рядомъ съ невѣстою сажаютъ какого-нибудь мальчика, которому даютъ въ руки скалку. Дружка входитъ въ избу, держа въ одной рукѣ четверть водки, а въ другой кнутъ. Поставивъ четверть на скамью, онъ направляется къ невѣстѣ, но мальчикъ, сидящій съ невѣстою, останавливаетъ его, грозясь на него скалкою. Тотъ въ недоумѣніи отступаетъ, спрашивая, по какой причинѣ его не допускаютъ къ невѣстѣ. Мальчикъ объявляетъ ему, чтобы онъ заплатилъ ему за мѣсто. Дружка вынимаетъ деньги (нѣсколько копѣекъ) и даетъ ихъ мальчику, который послѣ этого уже уступаетъ мѣсто купившему. Затѣмъ начинается угощеніе дружкою родителей невѣсты и родственниковъ ея, находящихся въ избѣ. Послѣ этого ѣдутъ въ церковь.

Такъ отправляются свадьбы въ с. Крюковкѣ, Чембар. у

№ 41-й.

Гуляла дѣвченочка по долинѣ,
Наколола ноженьку на былинку,
На горьку травушку на полынку.

Болитъ моя ноженька, да не больно,
Любилъ меня миленькій, да не долго
Не долгое времячко три годочка.
Уѣхалъ мой миленькій въ городочекъ,
Со всѣми подружками распростился,
А со мной горькою дѣвченкой постыдился.
А я за нимъ дѣвица не погонюся,—
Гонится, погонится онъ за мной,
За моею за русою косой.
Коса моя косынька коротенька,
Знать я у васъ маменька молоденька.
Въ саду у васъ яблонька не у мѣста,
Знать я у васъ маменька не невѣста.

Г. Наровчатъ.

№ 42-й.

Я по Дону гуляла,
Тамъ казакъ молодой.
Тамъ стоитъ дѣвица, плачетъ
Все надъ быстрою рѣкой.
Ты о чемъ, дѣвица, плачешь,
Почему же слезы льешь?
Иль тѣ мать съ отцомъ жалко,
Или брата своего?
Мнѣ не мать съ отцомъ жалко,
Мнѣ не брата своего.
Мнѣ цыганка гадала,
Мнѣ за рученьку брала.
Мнѣ на руку посмотрѣла,
Закачала головой.
Ты потонешь, дѣвица,
Предъ свадьбою своей.
Не плачь, раскрасотка,
Твоему горю помогу.
Твоему горю помогу:
Тебѣ мостъ намощу,
Мостъ чугунный
И мостъ длинный,
Мостъ на 70 верстъ.
На передъ пошлю я 300,
По 500 по бокамъ.

Алексѣевка, Керенск. у.

№ 43-й.

Пойдемъ-ка, батюшка,
Во лѣсъ, во дубравушку.
Найдемъ-ка, батюшка,
Деревцо кленовое.
Давай мы его, батюшка,
Срубимъ-ка
Подъ самый сырой корешокъ.
Поглядимъ-ка, батюшка,
Куда оно склонится;
Куда мнѣ дѣвушкѣ
Замужъ хочется?
Въ Москву-ли за извозчика,
Въ Питеръ-ли за разнощика.
Долина, долина моя широкая
Ничего ты, долина, не уродила,
Уродила долина рощицу земную.
Подъ этой рощицей заря занималася,
Солнце выкаталося.
Грѣетъ, грѣетъ солнышко
Зимой не по лѣтнему.
Любилъ парень дѣвушку
Не по прежнему.
Онъ любить-то любилъ,
Самъ же и обманывалъ,
Замужъ уговаривалъ:
«Выйди, выйди, Поленька,
За добраго молодца,
За парня холостаго».

Трескино, Мокшанскаго у.

№ 44-й.

Ужъ ты кустикъ кустоватъ (2)
Люли, люли кустоватъ! (2)
Березничекъ листоватъ (2)
Люли, люли, листоватъ! (2).
Дужъ кто у насъ ходитъ холостъ,
Дужъ кто у насъ не женатъ?
Люли, люли не женатъ! (2)
Какъ Иванъ-то ходитъ холостъ,
Ивановичъ-то не женатъ.
Люли, люли не женатъ! (2)
Ему маменька говорила,
Сударыня говорила:
Люли, люли говорила! (2)

Женись, женись сынъ мой милый (2).
Люли, люли сынъ мой милый! (2)
На что маменька жениться
Люли, люли все жениться! (2)
На что все мнѣ раззоряться (2)
Люли, люли раззоряться (2).
Меня и такъ дѣвки любятъ,
Меня и такъ красны любятъ!
Люли, люли красны любятъ!
Товарищи почитаютъ: (2)
Люли, люли почитаютъ. (2).

Село Болкашино, Чембарскаго у.

№ 45-й.

Бѣгите, бѣгите во новыя лавки,
бѣгите.
Купите, купите помаднаго масла,
купите.
Маслите, маслите Ванину голову,
маслите.
Маслите, маслите Ивановичу голову,
маслите.
Бѣгите, бѣгите во новыя лавки,
бѣгите.
Купите, купите частый гребень-гребешекъ,
купите,
Чешите, чешите Ванины кудри,
чешите.
Чешите, чешите Ивановича кудри
чешите.

С. Болкашино, Чембарскаго у.

№ 46-й.

Не было вѣтра, вдругъ повянуло (повѣяло),
Не было гостей, вдругъ нагрянули.
Но кто у насъ хорошъ, кто у насъ пригожъ?
Хорошъ, пригожъ Василій Павловичъ.
Онъ по двору ходитъ,
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не мараетъ.
Онъ къ коню подходитъ,
На коня садится,
Подъ нимъ конь дубрится (бодрится);
Онъ плеткою машетъ,
Подъ нимъ конь пляшетъ;
Онъ со двора съѣзжаетъ,
Весь міръ провожаетъ.
Онъ вдоль улицы ѣдитъ
Вся улица свѣтитъ.

Базарныя Дубровки, Красносл. у.

№ 47-й.

Когда ждутъ жениха на дѣвичникъ.

Какъ на Аксиньиномъ (невѣстиномъ) дѣвичникѣ
Не хорошъ сонъ во снѣ видѣлся:
Прилетѣли къ ней сизы голуби,
Сизы голуби залетные.
Еще съ ними младъ ясенъ соколъ,
Свѣтъ Тарасъ Степановичъ (женихъ);
Онъ садился на окошечко,
Онъ садился на причелинку.
Причелинка обломилася,

Младъ ясенъ соколъ
Встрепенулся.
Никто же не догадывается
Догадалась лишь ея матушка.

Посопная Пелетьма, Мокшанск. у.

№ 48-й.

Пѣсни на дѣвичникѣ.

Какъ на дубчикѣ два голубчика сидятъ,
Промежъ себя разговариваютъ:
Васиньку (жениха) выхваливаютъ,
Александра выхваливаютъ.
Онъ полтиною ворота запиралъ,
Съ милліонами по городу гулялъ,
Изъ неволи красныхъ дѣвокъ выручалъ.

Базарныя Дубровки, Красносл. у.

№ 49-й.

Какъ у чарочки у серебряной
Золотой вѣночекъ, золотой вѣночекъ.
Какъ у Ивана-то Петровича
Дорогой умъ обычай, дорогой умъ обычай:
Гдѣ ни ходитъ, ни гуляетъ
Ночевать домой ходитъ, ночевать домой ходитъ.
Къ высоку терему подходитъ,
Громкимъ голосомъ кличетъ, громкимъ голосомъ кличетъ:
«Ты, Настасья, встань, Ивановна отвори!
Отворь высокъ теремъ, отвори высокъ теремъ:
Мнѣ и право—не досугъ,
Мнѣ, ей Богу, не досугъ.

Я сына качаю, я сына качаю.
Сына милаго качаю, сына милаго качаю.
Перемѣны себѣ чаю, перемѣны себѣ чаю.
Перемѣну вѣковую, перемѣну вѣковую,
Сноху молодую, сноху молодую.

С. Болкашино, Чембарскаго у.

№ 50 й.

По столику чарочка гремитъ,
Проклаженна свѣтъ Настасья *) говоритъ,
Настасьюшка дѣвица,
Раскрасавица—румяница
У Семена *) въ гости просится:
Ты пусти, пусти, Семенъ—государь!
Хочу пущу, хочу не пущу:
Не дорога мнѣ полтина во столѣ,
Дорога мнѣ Настасья во дворѣ.

Алексѣевка, Керенскаго у.

№ 51-й.

(Пѣснь жениха съ невѣстой).

Какъ по полю, полю чистому
Протекала рѣчка быстрая.
Чѣмъ мы ее запружать будемъ?
Запружать ее будемъ виноградицемъ...
За тынъ, тынъ частый.
Выпущу я лебедя со лебедушкой,—
Бѣлый лебедь Васинька,
Бѣлый лебедь Васильевичъ,
Лебедушка бѣлая Анютынька,

*) Какое угодно имя.

Лебедушка бѣлая Александровна.
Воспородила ихъ родимая маменька,
Вспоилъ, вскормилъ родной тятенька,
Возлелѣяли сѣнныя дѣвушки..,
Да ужъ имъ совѣтъ совѣтался,
Да ужъ имъ ровня, ровня соровнялася,—
Имъ люди сдивовалися:
Гдѣ такіе уродилися?!

Г. Наровчатъ.

№ 52-й.

На горахъ, горахъ,
На желтыхъ пескахъ
Роднички бѣжатъ.
Роднички бѣжатъ...
Вода свѣжая.
Вода свѣжая...
Село новое.
Село новое...
Ново-Павлово.
Ново-Павлово!
Церковь славная.
Церковь славная—
Семиглавая.
Какъ на тѣхъ главахъ
Кресты мѣдные.
Кресты мѣдные—
Позолочены.
На седьмой главѣ
Крестъ серебряный;
Крестъ серебряный—
Позолоченый.
Какъ на томъ крестѣ
Сидитъ вольная пташечка,
Вольна пташечка—
Жавороночка.
Высоко сидитъ,
Далеко глядитъ
Черезъ три поля,
Чрезъ сине море.
Чрезъ сине море,
По ту сторону.
По ту сторону,
Во зеленый садъ.
Какъ въ томъ саду
Гуляетъ дѣвушка.
Гуляетъ дѣвушка,
Полагеюшка.
Душа Полинька,
Другъ Николинька.

Алексѣевка, Керенскаго у.

№ 53-й.

У голубя, у голубя золотая
голова,
У голубки, у голубки позо-
лоченная.
Какъ у Ивана Иваныча жена
Все жена-то хороша.
Соѣзжались господа—
Всѣ товарищи его,
Сдивовались господа,
Что за барыня?
Кабы эта красота
Вотъ моя жена была.
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ
Во коляскѣ прокатилъ;
А зимою холодной
Я на питерскихъ саняхъ,
На дворянскихъ лошадяхъ.
Кони, кони вороные,
Извозчички молодые.
Пріударьте коней,
Чтобы кони рѣзче шли,
Молоду жену везли.

С. Болкашино, Чембарскаго у.

№ 54-й.

При прощаньи невѣсты съ матерью поютъ:

«Ужъ ты яблонка моя,
Садовая ты моя!
Садовая медовая
Моя сахарная.
Я садила тебя
Моя яблонка,
Поливала завсегда,
Не видала я отъ яблонки
Ни плодовъ, ни цвѣтовъ,
Ни сахарныхъ яблочковъ».

Посопная Пелетьма, Мокшанскаго у.

№ 55-й.

Какъ вопитъ невѣста своимъ подругамъ.

Подите-ка ко мнѣ любезны подруженьки!
Что я васъ горькая не вышла,
не встрѣтила,
Среди двора широкаго,
Противъ крыльца высокаго?

Вы гуляйте, мои любезны подруженьки,
А я горькая отгуляла,
Всѣ я пѣсни отыграла,
Всѣ я шутки отшутила.
Полети-ка ты, моя воля,
Во чисто поле;
Сядь-ка ты, моя воля,
На бѣлу березу:
Годится мнѣ мимо березы пройтити,
На свою волю поглядѣти.

Базарныя Дубровки, Красносл. у.

№ 56-й.

Когда невѣста ждетъ жениха ѣхать въ церковь.

Разлилася, разлелѣялась
По лугамъ вода полая;
Унесла же, улелѣяла
Три корабля съ домикомъ:
Первый унесло съ сундуками со дубовыми,
А другой корабль унесло
Съ перинами пуховыми,
Съ одѣялами со шелковыми,
А третій корабль унесло
Съ красной дѣвицей,
Съ Аксиньей Ивановной.
Ей во слѣдъ же кричитъ матушка:
«Ты воротися, чадо милое:
Позабыла ты ключи золоты
За дубовымъ за столикомъ,
За браною за скатертью».

Посопная Пелетьма, Мокшанскаго у.

№ 57-й.

Когда невѣстѣ заплетаютъ косу:

Ужъ ты, мать-ли моя, матушка,
Ты сударыня, боярыня!
Ты взойди-ка, моя матушка,
Въ мою нову горенку!
Ужъ ты сядь-ка, моя матушка,
Впереди на лавочкѣ
Подъ переднее окошечко,

Подъ хрустальное стеколушко!
Погляди-ка, моя матушка,
На мою русу косу!
Мнѣ не долго красоваться
При русой косѣ:
Съ середы да мнѣ до пятницы.
Во Субботу былъ дѣвичничекъ,
Въ Воскресенье будетъ раз-
лучный день:
Разлучаютъ насъ съ отцомъ
съ матерью,
Съ любезными подружками.

Посопная Пелетьма, Мокшанск. у.

III. Семейныя пѣсни.

Почти во всѣхъ пѣсняхъ этой категоріи изображается печальная участь слабыхъ, подневольныхъ членовъ семьи и преимущественно женщины, отданной противъ ея желанія замужъ. Покоряясь старшимъ, главѣ семьи, эти лица большею частію безропотно, съ тайною скорбію въ сердцѣ несутъ свою горькую долю. Иногда такая жизнь приводитъ къ разгулу и даже кровавой развязкѣ.

№ 58-й.

Отворю я дверь у клѣтки,
Пущу пташку полетать:
Ты лети-ка, моя пташка,
Во зеленый садъ гулять.
Сядь на вѣточку зелену,
Запой пѣсенку веселу
Про деревню слободу.
Какъ во этой во деревнѣ,
Во веселой слободѣ
Лѣтъ семнадцати мальчишка
Ходитъ холостъ не женатъ.
И задумалъ сынъ жениться,
Дозволенья сталъ просить:
«Дозволь, тятенька, жениться,
Взять которую люблю.
Мы на свѣтѣ люди равны—
Можно каждую любить».
Отецъ сыну не повѣрилъ,
Что на свѣтѣ любовь есть.
Отвернулся сынъ, заплакалъ,
Во зеленый садъ пошелъ,
Вынулъ шашку, вынулъ востру
И зарѣзалъ самъ себя.
Его буйная головка
Покатилась по травѣ
И русы его волосы
Сильнымъ вѣтромъ занесло,
Голубые его глазки
На свѣтъ бѣлый не глядятъ,
И румяны его щечки
Противъ солнышка блестятъ.

Ямщина, Инсарскаго у.

№ 59-й.

Растворю я двери клѣтки—
Пущу пташку полетать.
Ты лети, лети-ка пташка,
Къ милому во зеленый садъ;
Сядь на яблоньку кудряву.
Пропой пѣсню, пѣсню нову—
Про деревню про свою:
Какъ во нашей во деревнѣ,
Во веселой слободѣ
Лѣтъ семнадцати былъ маль-
чикъ
Не женатый, холостой;
Какъ задумалъ онъ жениться,
Дозволенья сталъ просить.
«Дозволь, тятенька мнѣ же-
ниться,
Дозволь взять кого люблю».
Отецъ сыну не повѣрилъ,
Что на свѣтѣ любовь есть:—
Отвернулся сынъ, заплакалъ,
Шелъ онъ садикомъ земнымъ
Шелъ дорожкой столбовой,—
Вынулъ шашку, вынулъ остру
Срубилъ голову себѣ.
Его буйная головка
Покатилась по травѣ,
Его русыя кудерьки
Развѣваетъ вѣтеркомъ,
Его аленькія щечки,
Какъ лазуревый листокъ.

Г. Наровчатъ.

№ 60-й.

Лѣтъ 17-ти мальчишка,
Не женатый холостой;
Онъ задумалъ жениться,
Дозволенья сталъ просить:
«Дозволь, батюшка, жениться,
Кого люблю, того взять».
Отецъ сыну не повѣрилъ,
Что на свѣтѣ любовь есть:
Отвернулся сынъ, заплакалъ,
Въ зеленъ садъ пошелъ гулять.
Вынулъ шашку, вынулъ остру
И взрѣзалъ самъ себя.

Пурдошки, Краснослободскаго у.

№ 61-й.

Сизый голубь отлетаетъ,
Красна дѣвка унываетъ.
Добрый молодецъ по горенкѣ
гуляетъ,
На свою-ли душу, Машу, онъ
очень взираетъ.
«Ты, душа-ли, моя Маша,
Что ты пріуныла?»

— Къ чему веселиться:
Ты ѣдешь жениться.
Если поѣдешь милъ жениться,
Заѣзжай проститься.
На что было жениться
Очень молодому?
На что было меня сватать
Очень молодую?
«Знать судьба наша такая:
Съ другой мнѣ повѣнчаться...
На платочекъ насъ поставятъ
Цѣловаться насъ заставятъ».

Г. Наровчатъ.

№ 62-й.

Калину съ малиной
Водой поняло,
Подъ то время, подъ тотъ часъ
Меня мамка родила.
Не собрамшись съ умомъ разумомъ,
Меня замужъ выдала!
Выдавала меня замужъ
Въ чужу дальну сторону;
Чужа дальня сторона
Безъ вѣтру сушитъ.
Лихой свекоръ батюшка
Безъ плетки сѣчетъ,
Лихая свекровь безъ вины журитъ.
Не была то я у матушки
Ровно три года.
На четвертомъ на году
Пташкой полечу,
Сяду я, пташечка,
Въ батюшкинъ зеленъ садъ,
Запою я, пташечка,
Пѣсню жалобну,
Побужу я, пташечка,
Свою матушку.
Матушка по горенкѣ ходитъ
Подружекъ будитъ:
«Встаньте-ка, подруженьки,
Голубушки мои:
Въ нашемъ саду
Пташечка поетъ;
Не наша-ли горемычная
Съ чужой стороны?

Трескино, Мокшанскаго у

№ 63-й.

Калина съ малиной
Во полюшкѣ расцвѣла;

Не въ тое-ли пору—времячко
Мать доченьку родила *).
Доченька на маменьку прогнѣвалася.
На родного на батюшку разсердилася.
Не приду я къ маменькѣ
Ровно три года;
На четвертомъ годикѣ
Я пташечкой прилечу
И сяду я у батюшки во саду
Подъ кудрявую подъ яблонку,
И громко я пташкой запою,
И съ тяжелаго воздыханія
Садочекъ посушу
И горючими слезами
Весь садочекъ посушу.
И родная моя маменька
Ходитъ по новымъ сѣнямъ
Родныхъ своихъ сношенокъ разбуживаетъ:
«Вставайте, родныя мои сношеньки:
У насъ несчастье въ саду,
И не большое насчастьице—кукушка-горькушка.
И родимый сынокъ Ванюшка
Выходитъ на парадное крыльцо,
И закладывалъ кленовую стрѣлу.
Родимая маменька, убью кукушку-горькушку въ саду.
«Родимый сынъ Ванюшка!
Не бей кукушку въ саду:
Эта кукушка-горькушка
Сестрица твоя.

Пурдошки, Краснослободскаго у.

*) Дальше, очевидно пропущено.

№ 64-й.

Всѣ люди живутъ,
Какъ цвѣты цвѣтутъ.
А я млада,
Какъ трава вяну.
Куда ни пойду,
Въ бѣду попаду.
Всѣ журятъ, бранятъ,
Въ монастырь велятъ.
Брошу я свой міръ,
Пойду въ монастырь.
Ты воспой, воспой, жавороночекъ,
Ты подай голосъ.
Черезъ темный лѣсъ,
Въ Москву каменну,
Къ отцу съ матерью.
Напиши письмо
Молодой женѣ,
Молодой женѣ, своячинѣ
Письмо грамотку.

Трескино, Мокшанскаго у.

№ 65-й.

По ельнику, по частому осиннику
Гулялъ ходилъ развороный конь.
Недѣлюшку не кормленый стоялъ,
Трое сутокъ не поеный былъ,
Черкасское сѣдло на бокъ сбилъ,
Шелковую узду всю изорвалъ,
Шелковъ поводъ въ грязи вытопталъ.
Гдѣ гулялъ ходилъ ты, вороный конь?
Ходилъ гулялъ я въ Москвѣ, въ Питерѣ
И прошелъ вдоль по пычльонской (почтальонской) улицѣ,
И (былъ) у купца у богатаго,
У Степана у Григорьева.
У него случилося несчастьице:
Жена мужа потеряла,—
Вострымъ ножечкомъ его зарѣзала,
И не простымъ ножемъ, булатнымъ.
И на ножечкѣ сердце вынула,

И на ножечкѣ сердце встрепехнулося;
И жена его шельма усмѣхнулася;
И во холодный погребъ бросила,
И дубовой доской закроила (закрыла),
И правой рученькой припленнула,
И лѣвой ногой притоннула:
Старые чтобъ не женилися,
А молодые за старыхъ, чтобъ не охотились.

Пурдошки, Краснослободскаго у.

№ 66-й.

Лѣса, лѣса темные,
Лѣса мои дремучіе!
Ничто въ лѣсу не уродилося,
Уродилася въ лѣсу одна черна ягода,
Черна ягода—смородина,
Пошли дѣвушки въ лѣсъ по ягоду.
Всѣ дѣвушки набралися,
А одна не набралася, въ лѣсу заплуталася,
Заплутавшись, сгоревалася.
Что-же мнѣ дѣвушкѣ
Въ лѣсу никто не откликнется?
На виду на слуху добрый молодецъ.
Что-же, ты—молодецъ, мнѣ не откликнешься?
Радъ бы я тебѣ откликнуться;
За мной ходятъ три сторожа:
Первый сторожъ—тесть мой батюшка,
Другой сторожъ—теща матушка,
Третій сторожъ—молода жена,
Молодая жена—змія лютая:
Какъ постель мнѣ стелетъ—

Сама зло творитъ,
Въ изголовьице кладетъ саблю острую.

Ельники, Краснослободскаго у.

№ 67-й.

Лѣсики, лѣса, лѣса темные.
И вы лѣса дремучіе,
Ничеволышько лѣса не породили:
Породили лѣса одну сильную ягоду,
Черную самородину.
Собиралисъ дѣвушки въ лѣсъ по ягоды,
По черную самородину.
Всѣ дѣвушки понабралися,
А одна дѣвушка не набралася:
Въ темномъ лѣсикѣ она заплуталася,
Въ ракитовомъ кусту застоялася,
На бѣлую березку заглядѣлася;
Своему она дружку кликала:
«Что-же ты, размилый, не откликнешься?»
— Радъ-бы я тебѣ откликнулся;
На встрѣчу мнѣ идутъ три сторожа:
Первый сторожъ—родной батюшка,
Другой сторожъ—родна матушка,
Третій сторожъ—родна сестрица.

Пурдошки, Краснослободскаго у.

№ 68-й.

Вы не дуйте-ка, вѣтры
Полуденные!
Не шатайте вы, вѣтры;
Въ саду яблонку.

Не сшибайте-ка, вѣтры,
Красныхъ яблочковъ.
Какъ сбирали эти яблочки
Красны дѣвушки.
Не ходите вы, вѣтры,
По новымъ, новымъ сѣнямъ.
Не будите-ка, вѣтры,
Молоду мою жену.
Какъ встанетъ, встанетъ
Моя миленька, ранехонько.
Какъ умоется, моя миленька,
Она бѣлехонько.
Какъ нарядится, моя миленька,
Она наряднехонько.
Пройдетъ-ли, моя миленька,
Плавнехонько.

Трескино, Мокшанскаго у.

№ 69-й.

Моя маменька родима
На что (меня) на горе зародила,
Малолѣтняго жениха?
Меня тетка не любила,
Со краватки новой сбила,
Ручку, ножку повредила...
Стала рученька болѣть,
Стала маменька жалѣть.

Г. Наровчатъ.

№ 70-й.

На горѣ то, на горѣ на желтомъ пескѣ,
Стоитъ церковь славная, семиглавная:
На шести то главахъ—кресты мѣдные,
На седьмой то главѣ—крестъ серебряный;
А на немъ сидитъ вольна пташечка—воръ соловушекъ;

Онъ сидитъ то сидитъ, далеко глядитъ,
Далеко глядитъ—на дикую степь,
На дикую степь—во зеленый садъ.
Ничто въ саду не уродилося,
Уродился одинъ яровъ хмѣль.
Я нарву, нарву хмѣля ярова,
Наварю то, наварю пива пьянаго,
Созову то я всѣхъ сродничковъ;
Я за батюшкой посла пошлю,
Я за матушкой коня впрягу,
За милымъ дружкомъ сама схожу.
Изъ подъ бережка бѣжитъ рѣчушка,
Въ этой рѣчушкѣ не коня поитъ,
Не коня поитъ,—мужъ жену губитъ.
Жена то мужу возмолилася,
Въ рѣзвы ноженьки поклонилася.
«Ужъ ты, мой ли мужъ,—
Мужъ Донской казакъ,
Не губи ты меня рано съ вечера,
Ты губи меня вкругъ полуночи,
Когда шабры [1]) то добры пріугомонятся,
Малы дѣтушки спать полягутся.
По утру они рано хватятся:
«Государь ты нашъ, родной батюшка,
Ты куда то дѣвалъ родну матушку»?
— Ваша матушка ушла въ боръ по ягодки,
Въ боръ по ягодки, въ боръ по красныя.
«Государь ты нашъ, родной батюшка,
Что у тебя по стѣнамъ руда [2])?»
— Со похмѣлья рыбу чистилъ я,

---

[1]) Сосѣди.
[2]) Руда—кровь.

Рыбу чистилъ—кровь и брызнула.
Вы не плачьте, родны дѣтушки,
Я возьму то вамъ молодую мать
И состорою вамъ новъ высокъ теремъ,
Сокладу то вамъ печку каменну,
А солью то, солью трубу олвяну [1]).
«Ты возмойка возмой, туча грозная!
Разщепи ты нашъ высокъ теремъ,
Ты убей то убей молодую мать
И размой, размой трубу олвяну».

Афишки, Городищенскаго у.

№ 71-й.

Изъ подъ камушка, камня бѣлаго
Тамъ течетъ рѣчка, рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, вода чистая;
Какъ на той рѣчкѣ мостъ калиновый,
Мостъ калиновый, кустъ ракитовый;
Какъ подъ тѣмъ кустомъ дѣвка мылася,
Дѣвка мылася и бѣлилася;
На бугоръ взошла убиралася,
Красотой своей любовалася...

. . . .

Какъ донской казакъ велъ коня поить,
Велъ коня поить и жену губить,
Какъ жена мужу взмолилася,
На колѣночки становилася:
«Ужъ ты, мужъ, ты мой мужъ!
Ты не бей меня рано съ вечера,
Ты побей меня округъ полночи,

1) Оловянную.

Всѣ сосѣдушки спать полягутся,
Малы дѣтушки успокоются...
Утромъ маменьку рано встрянутся:
«Милый тятенька! гдѣ наша маменька?»
— Ваша маменька за водой пошла,
За водой пошла упокой нашла.
(Дѣвки сцѣпляются, руками образуя кругъ)
Наваримъ мы пива, зелена вина...
Да что у насъ будетъ въ этомъ пивѣ?
Мы въ этомъ пивѣ всѣ напьемся,
Всѣ напьемся и всѣ сойдемся (сходятся).
Наваримъ мы пива, зелена вина...
Руки поднимемъ (поднимаютъ),
Разойдемся (расходятся),
Присядемъ (садятся),
Привстанемъ (встаютъ).

Г. Наровчатъ.

№ 72-й.

Я на горкѣ была,
Чудо видѣла,
Чудо—чудное,
Диво—дивное.
Молодой казачекъ
Приводилъ коня поить;
Онъ не коника поить,
Молоду жену губить.
Молода его жена
Стала спрашивать:
«Ужъ ты мужъ, ты мой мужъ,
Мужъ сердечный другъ!
Не губи-ка, мужъ, меня
Рано свечеру.
Погуби-ка ты меня
Близко къ полночи,
Когда наши малы дѣтки
Спать положутся,
Малолѣтки наши успокоются.
Какъ большая ихъ дочь
Всю ночь не спала,
Все выслушивала.
По утру рано встаетъ,
Отца спрашиваетъ:

«Ты отецъ, ты нашъ отецъ,
Да и гдѣ же наша матушка?»
— Ваша мать—матушка
Въ лѣсъ по ягоды ушла.
«Ты отецъ, ты нашъ отецъ,
Не проманывай [1]) насъ:
Мы не маленькіе,
Мы не глупенькіе;
Погубилъ ты нашу мать.
Наша мать-матушка
Во сырой землѣ лежитъ».

Алексѣевка, Керенскаго у.

№ 73-й.

Какъ на тропкѣ, на тропѣ
Мужъ жену губилъ;
Жена мужу возмолилась,
Въ рѣзвы ножки поклонилась:
«Не губи-ка меня, мужъ,
Рано съ вечеру.
Погуби-ка меня, мужъ,
Во глуху полночь.
Малы мои дѣтушки
Спать поляжутся,
Сусѣдушки всѣ угомонятся.
Поутру рано дѣтки
Встанутъ, меня схватятся:
«Родимый нашъ батюшка,
Гдѣ наша матушка?»
— Ваша матушка въ новой горенкѣ
Бѣлится, румянится,
Къ обѣднѣ сряжается».
«Родимый нашъ батюшка,
Ты насъ не обманывай,
Черный воронъ прилеталъ,
Намъ вѣсть сказывалъ:
Ваша матушка
Въ темномъ лѣсу подъ колодою».
— Не плачьте, мои малы дѣтушки;
Я вамъ поставлю горенку новую
Солью вамъ печку олвяную
Возьму вамъ матушку молодую.—
По горенкѣ дѣтки ходятъ,
Богу молятся:
«Ты сгори-ка, сгори, горенка новая,
Разлейся, печка, олвяная
Умри, мачиха лихая»!

Пурдошки, Краснослободскаго у.

---

[1]) Не обманывай.

№ 74-й.

У ключа текучаго,
У колодезя студенаго
Дѣвка воду черпала,
Ведры ставила,
Съ парнемъ баяла рѣчи тайныя,
Рѣчи тайныя, слова невыносныя.
Въ томъ саду зеленыимъ
Смощеная кровать новая;
И на этой на кровати
Разостлано войлоко;
И на этомъ на войлокѣ
Сидитъ добрый молодецъ,
И стригетъ онъ стрѣлу кленовую;
И собираетъ эти стружки красна дѣвушка,
И кладетъ она огни превеликіе,
И жгетъ она змѣя чернаго,
И гонитъ изъ него зелье лютое.
И эта самая дѣвушка собирала бесѣду;
Всѣхъ гостей встрѣчала середи двора,
А брата роднаго у высокаго крыльца.
Всѣхъ гостей сажаетъ по лавочкамъ,
А брата роднаго на скамеечку.
Всѣмъ гостямъ подноситъ зелена вина,
А брату родному зелья лютова.
А родной братъ и пить-то не пьетъ,
А на дубовый столъ льетъ;
И дубовая доска загорѣлася;
И вся бесѣдушка со стола подымалася;
И всѣ гости ея сейчасъ догадалися,
Что хотѣла она извести брата роднаго.

Цурдошки, Красносл. у.

IV. Бытовыя пѣсни.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщены многоразличныя пѣсни, въ которыхъ изображаются тѣ или иныя условія и обстоятельства народнаго быта (за исключеніемъ брака и семейной жизни). Поэтому въ нихъ слышатся самыя разнообразныя чувства, переживаемыя простолюдиномъ: онѣ передаютъ то радость любящихъ при свиданіи, то грусть—въ разлукѣ, то нетерпѣливое ожиданіе возвращенія милаго, то скорбь—обида отъ измѣны и т. п. Преобладающее чувство въ нихъ всетаки печальное. Въ этомъ отдѣлѣ очень много пѣсенъ позднѣйшаго происхожденія, новѣйшей формаціи, сложившихся подъ вліяніемъ измѣнившихся со временемъ условій осѣдлой, земледѣльческой жизни.

№ 75-й.

Надо всѣми солнце свѣтитъ,
Надо мной младой туманъ;
Какъ всѣмъ людямъ большой праздникъ,
А мнѣ младой горюшко...
Да ужъ какое то мнѣ младой горюшко:—
Лихорадка дружка бьетъ;
Затряси его до смерти
За неправды за его.
За какія же неправды?
Шелъ съ гулянья вечеркомъ,
При гуляньѣ при компаньѣ
Мальчикъ дѣвицу обнялъ.
Дѣвченочкѣ стыдно стало.—
Полились слезы изъ глазъ.
Мальчишечкѣ жалко стало,
Сталъ ее онъ унимать,
Взялъ розовенькій платочекъ,
Сталъ онъ слезы утирать:
«Не плачь дѣвка, не плачь красна,
Я самъ холостъ, не женатъ:
Я задумаю жениться,
Я посватаю тебя.
Ужъ ты пойдешь-ли, не пойдешь-ли,—
Я потѣшу самъ себя».

Г. Наровчатъ.

№ 76-й.

Плыветъ лебедь со лебедушкой,
За нимъ плывутъ малы дѣтушки,
Малы дѣтки, малолѣтушки.
Отколь взялся младъ-ясенъ соколъ,
Убилъ, ушибъ моего лебедя.
Онъ кровь пустилъ по синю морю,
А перушки—по дубровушкѣ,
А крылышки—по крапивушкѣ,
А мелкій пухъ по чисту полю.
Пошла дѣвка во чисто поле,—
Во чисто поле лебединый пухъ сбирать.
Отколь взялся добрый молодецъ.
«Богъ на помочь тебѣ, красная дѣвушка,
Богъ на помочь тебѣ лебединый пухъ сбирать»...

(Не окончена).

Алексѣевка, Керенскаго у.

№ 77-й.

Кого нѣту, того жаль.
Уѣзжалъ мой размилый вдаль.
Уѣзжалъ, спокидалъ одни ласковы слова.
Покидалъ мой размилый
Съ руки перстень, кольцо золото!
Въ день на рученькѣ кольцо носила,
Въ ночь въ головы кольцо клала.
Для того я кольцо клала,
Чтобъ увидѣлся милый во снѣ.
Двѣ пуховыя подушки потонули во слезахъ;
Тепло мое одѣяло не согрѣло бѣлу грудь.
Кабы были у меня сизы крылья,
Полетѣла бы я къ своему дружку.
Издалеча мой милый навстрѣчу,
Сталъ бы здоровкаться со мной:
«Ты здорова, моя черноброва!
Что ты похудѣла безъ меня?»

Пурдошки, Краснослоб. у.

№ 78-й.

Красна дѣвушка по бережку похаживала,
Чернобыль траву заламливала.
Она сѣрыхъ гусей заманивала:
«Тега, гуси, тега, сѣры со воды.
Аль вы, гуси, не наплавались?
А я млада принаплакалась;
Я наплакалась, нарыдалась,
Давно съ милымъ не видалась;
А я съ этого домой пошла,
А навстрѣчу паренечекъ молодой,
«Не заигрывай, пожалуйста, со мной,
Не хватай меня за бѣлое лицо:
Мое личико разгорчивое,
Моя мамынька догадливая.
Съ чего личико разгорается мое?
Или съ пива или съ зелена вина?
А я дѣвушка во садикѣ была,
Сладку водочку анисову пила;
Сладка—водочка анисовая!

Аришки, Городищенскаго у.

№ 79-й.

Какъ по Питерской дорожкѣ,
По широкой столбовой
Много разъ по ней ходила,
Много писемъ посылала.
Мои письма не доходятъ:
Слуги злые не доносятъ;
Слуги варвары, злодѣи
Разлучить съ милымъ хотѣли...
Вы тогда меня разлучите,
Когда въ гробъ меня положите,
Гробовой доской закроете,
Пескомъ желтымъ вы засыпете

Г. Наровчатъ.

№ 80-й.

Мать моя родима,
Зачѣмъ на горе родила,
Зачѣмъ глупаго женила?
Жена мужа не любила,
Постелюшку не стелила,
Изголовьице не клала.
Одѣваться нечѣмъ стало.
Пройди, денекъ, поскорѣе,
Приди, ночка, потемнѣе.
Мнѣ сегодня день былъ скучный,
Со милымъ дружкомъ разлучный:
Разлучаетъ насъ чужа сторонка,
Все незнамая.
По той дороженькѣ ходила,
Горьки слезыньки ронила;
Во слезахъ письмо писала
И на почту отсылала.
Моя почта не доходитъ,
Почтальоны не доносятъ.

Трескино, Мокшанскаго у.

№ 81-й.

Ой да море безъ проливу,
Эй да бѣла рыбица пужлива,
Эй да испужалась она, да не поймалась.
Ой да свѣтъ Параня захворала,
Ой да платкомъ голову связала,
Эй да за ворота выходила,
Ой да всѣмъ подружкамъ говорила:
«Ой да ужъ вы, дѣвушки подружки!
Ой да вы не знаете моей тоски-скуки.
Ой да ужъ какая тоска-скука,
Ой да все съ миленькимъ разлука,—
Ой да разлучаетъ насъ неволя,
Ой да чужда дальня сторона,
Ой да Петербурская дорожка.
Ой да мы простились съ миленькимъ на вѣки.

Ямщина, Инсарскаго у.

№ 82-й.

Кругомъ, кругомъ осиротѣла,
Кругомъ несчастна стала я.
Все счастье съ милымъ улетѣло
И не воротится назадъ!
Вернись, вернись, мой ненаглядный,
Ко бѣдной дѣвушкѣ ко мнѣ!
Нейдетъ, нейдетъ, мой ненаглядный,
И, знать, не любитъ онъ меня.
Во снѣ, какъ ангелъ, заявился,
Блеснулъ, какъ молнія, и скрылся
На вѣкъ спокойствія лишилъ.

Трескино, Мокшанскаго у.

№ 83-й.

Голуби летѣли,
Ваню крыльями задѣли.
Шла про Ваню слава,
Про Дуняшу шла другая.
Дуня въ славѣ запропала:
Дуня по саду гуляла,
Платокъ алый потеряла.
Мнѣ не жаль платка алова,
Жаль Ванюшу дорогова.
Онъ не воръ, вѣдь, не разбойникъ,
Онъ на Дуню осердился,
Жить на Волгу отрядился;
Жить на Волгу не надолго
На три года до Покрова.
Покровъ праздничекъ проходитъ.....

(Пѣсня записана не оконченной).

Пурдошки, Краснослобод. у.

№ 84-й.

День хожу-ль я, ночь гуляю;
Грустно сердцу моему.
Пойду выйду за ворота,
Посмотрю я въ тотъ конецъ,
Гдѣ жъ мой миленькій живетъ,
Гдѣ жъ мой миленькій живетъ,
Гдѣ жъ хорошенькій живетъ.
Подойду-ль я къ тому дому,
Стукну объ окно.
Стукну въ окна, стукну въ рамы:
«Выйди, милка, на часокъ».

Ко мнѣ милка, не выходитъ,
Не утѣшитъ моихъ горькихъ
слезъ.
Слезы катятся ручьями
Вдоль по бѣлому лицу.
Въ небѣ чисто, въ небѣ ясно,
Въ небѣ звѣздочки горятъ,
Ты гори, гори, колечко,
Гори, мое золото!
Ты заной, мое сердечко,
Заной, мое ретиво!
Собирались тучи грозны...
Ты пролей-ка, сильный дождикъ,
Ты пролей-ка посильнѣй;
Размочи-ка сыру землю...
Разступись, сыра земля...
Ты востань-ка, мать моя,
Промолвль со мной слова два.
Время маменькѣ вставать:
Дочку замужъ отдавать.
При тебѣ моя родная,
Я цвѣточикомъ цвѣла,
Безъ тебя, моя родная,
Всее (все) счастье дружку
отдала.

С. Алексѣевка, Керенск. у.

№ 85-й.

И пташки канарейки
Такъ жалобно поютъ,
И намъ съ тобой, мой милый,
Разлуку придаютъ.
Разлука ты, разлука,
Чужая сторона!
Никто насъ не разлучитъ:
Ни солнце, ни луна;
Какъ только насъ разлучитъ
Чужая сторона.
Зачѣмъ намъ разлучаться?
Зачѣмъ въ разлукѣ жить?
Не лучше-ль повѣнчаться
И другъ друга любить?
Подайте мнѣ карету
И тройку лошадей,
Я сяду и поѣду
Къ соперницѣ моей.
Соперница подруга,
Подруга ты моя!
Зачѣмъ отбила друга?
Люби его, какъ я...

Базарныя Дубровки, Красносл. у.

№ 86-й.

Какъ же мнѣ не плакать,
Горькихъ слезъ не лить?
Стала моя милая
Другого любить.
Кабы зналъ и вѣдалъ,
Не любилъ ее;
Не терялъ бы молодецъ
Въ лицѣ красоты.
Пойду съ горя въ рощицу,
Гдѣ я съ ней гулялъ;
Сяду подъ то деревцо,
Гдѣ е (ее) цѣловалъ;
На этомъ на деревцѣ
Двѣ пташки поютъ,
Пташки кинарейки
Жалобно поютъ;
Намъ съ тобой, размиленька,
Разлуку даютъ.
Разлука-разлука
Чужа сторона!
Никто насъ не разлучитъ
Сроду никогда;
Сроду никогда,
Ни свѣтъ, ни заря.
Только насъ разлучитъ
Мать сыра-земля.
Еще насъ разлучитъ
Гробова доска.

Алексѣевка, Керенскаго у.

№ 87-й.

Можно въ рощѣ разгуляться,
Тоску-скуку разогнать.
Сяду я на бережочекъ,
На крутой берегъ рѣки;
Я сидѣла дѣвушка глядѣла,
Увидала стѣнь я па водѣ:
«Стѣнь сухая, стѣнь пустая,
Стѣнь холодная вода!
Спрошу рѣчки, спрошу быстрой,
Не бывалъ-ли здѣсь мой милый.
Быстра рѣчка отвѣчала:
«При мнѣ нѣту никого».
Милъ изъ лѣсу,
Дружокъ изъ лѣсочку,
Онъ на тройкѣ выѣзжалъ.

Алексѣевка, Керенскаго у.

№ 88-й.

Голубчикъ, голубчикъ разсизенькій мой!
Спишь, не спишь, голубчикъ, меня не проспи!

Проснулся голубчикъ, голубушки нѣтъ,
Голубушки нѣтъ, не милъ вольный свѣтъ,
Кидался, бросался по всѣмъ сторонамъ,
По всѣмъ сторонамъ, по барскимъ домамъ;
По барскимъ домамъ, по купеческимъ садамъ.
Нашелъ же голубчикъ голубку свою,
Голубку свою у купца во саду,
Подъ яблонькой подъ зеленою,
Подъ зеленою застрѣленною.
Убилъ застрѣлилъ купеческій сынъ,
Купеческій сынъ охотничикъ былъ;
По саду гулялъ, ружьецо пыталъ,
Ружьецо пыталъ, въ голубку попалъ
Подъ право крыло въ сердце ретиво.

Ельники, Краснослободскаго у.

№ 89-й.

Мамаша дочку бранила,
Что доченька грустна;
«Люблю дружка милова
Всѣмъ сердцемъ и душой;
А онъ коварный мой
Смѣется надо мной.
Не смѣйся надо мной:
Тебя Господь накажетъ
Несчастною судьбой.
Не въ полѣ вѣтеръ свищетъ,
Военный громъ гремитъ.
Никто такъ не сражался,
Какъ милый на войнѣ:
Онъ пулевъ не боялся,
Все думалъ обо мнѣ.
Но вдругъ пришло письмо,
Что миленькій убитъ.
Эхъ, если-бъ была я пташка,
Слетала-бы туда;
Всѣ косточки собрала-бы,
Домой-бы принесла,
Священника позвала-бы
Землѣ-бы предала.

Ямщина, Инсарскаго у.

№ 90-й.

Мамашенька бранится,
За что дочка грустна;
Сама я про то знаю,
Въ кого я люблена.
Люблю дружка смертельно
Всѣмъ сердцемъ и душой;
А онъ какой коварный
Смѣется надо мной.
«Не смѣйся, злодѣй-варваръ,
Не смѣйся надо мной:
Тебя Господь накажетъ
Несчастною судьбой».
Пришло письмо печально,
Сказали: милъ убитъ;
Убитъ ужъ онъ, мой милый,
Среди степи лежитъ.
Желала-бъ быть я пташкой,
Слетала я бъ къ нему;
Всѣ косточки собрала бъ
Я въ гробикъ положу.

Г. Наровчатъ.

№ 91-й.

Мамашенька бранится,
Что доченька грустна.
Сама жъ я про то знаю,
Въ кого я влюблена.
Люблю дружка сердечно,
Люблю его душой,
А онъ какой коварный
Смѣется надо мной!
«Не смѣйся, другъ коварный,
Не смѣйся надо мной:
Тебя Госцодь накажетъ
Несчастною судьбой.
Несчастною судьбою,
Коварною женой;
Коварною женою,
Жененкой молодой».

Трескино, Мокшанскаго у.

№ 92-й.

Я не вѣрила подружкѣ,
Что милого дружка жаль.
А теперича повѣрю:
Я сама его люблю.
Не успѣла сказать слова,
Стоитъ милый предо мной;
Стоитъ милый прехорошій,—
Говоритъ рѣчи со мной:
«Ты позволь, моя милая,
Мнѣ жениться на другой».

— Женись, женись, мой размилый,
Разбезсовѣстный такой.
Если поѣдешь милый сватать,
Я въ постелюшку слягу.
Тебя милаго въ каретѣ,—
Меня бѣдну въ простыхъ санкахъ
Вслѣдъ за тобою къ церкви повязутъ.
Тебя, мой милый, поставятъ
Спротивъ Царскихъ дверей.
А меня горьку, несчастну
Позади жены твоей;
На тебя вѣнецъ надѣнутъ,
Надо мной свѣчки зажгутъ;
Тебя, милый, вѣнчать станутъ,
Меня горьку отпѣвать;
Тебя, миленькій, поздравятъ
Съ молодою со женой;
Надо мной горькой, несчастной
Скажутъ: «вѣчный упокой»!

Г. Наровчатъ.

№ 93-й.

Милъ поѣхалъ во деревню,
Очутился въ городу.
Шла дѣвченка не знакома,
Продаетъ сладкій медокъ.
Я спросилъ у ней напиться,
Я позвалъ ее проститься.
Со всей радостью идетъ.
Вспомни, вздумай,
Мой размилый,
Про свою прежнюю любовь:
Какъ мы съ тобой обѣщались
Вѣчно друга любить;
А теперь у насъ случилось:
Въ одинъ часъ могъ измѣнить.
Измѣнилъ священну клятьбу:
Самъ женился на другой.
Женись, женись, другъ мой милый,
Дозволяю я тебѣ, миленькій усватать
А мнѣ, (имя), захворать;
Тебѣ, миленькій, карету,
А мнѣ, (имя), черный гробъ;
Тебя, миленькій, ко церкви
Меня слѣдомъ за тобой.
И поставятъ насъ, размилый,
Противъ царскихъ дверей;
Надѣнутъ на насъ, размилый,
Въ одно времячко вѣнцы.
Твой вѣнецъ, милый, на время,
А мой вѣчно навсегда:
Пролей горьки, пролей слезы
Околъ гроба моего.

Трескино, Мокшанскаго у.

№ 94-й.

Ни на что я не взирала,
Какъ на этотъ большой домъ,
Ни по комъ я не страдала,
Какъ по миломъ по своемъ:
Куда дѣлся тотъ цвѣточекъ,—
Онъ долины украшалъ,
Куда дѣлся милъ дружочекъ—
Онъ словами утѣшалъ;—
Утѣшалъ варваръ словами,
А я вѣрила ему всегда.
Онъ говорилъ: не плачь дѣвица слезами—
Будешь вѣчная моя.
Онъ уѣхалъ, меня бросилъ
И съ малюткой на рукахъ.
Я возьму своего малютку
И къ сестрицѣ пойду жить.
Ты сестра моя родная,
Воспитай мое дитя.
Пойду въ море утоплюся,
Пусть волною унесетъ.
Долго, долго трепеталась
Своей русою косой,
Ручкой правою махнула
Мы не увидимся больше съ тобой.

Г. Наровчатъ.

№ 95-й.

Застрѣли-ка стрѣла
Вдоль по улицѣ
Мимо кузницы.
Застрѣли стрѣла
Въ добра молодца.
Какъ по молодцѣ
Плакать некому.
Гдѣ и мать плачетъ,
Тамъ рѣка бѣжитъ;
Гдѣ отецъ-то плачетъ,
Тамъ—колодези;
Гдѣ сестра-то плачетъ,
Тамъ ключи бѣгутъ;
Гдѣ жена-то плачетъ,
Тамъ сухохонько.

Базарныя Дубровки, Краснослоб. у.

№ 96-й.

Межъ крутыхъ береговъ
Волга-рѣчка течетъ,
Вслѣдъ за ней по волнамъ
Легкая лодка плыветъ.
Въ ней сидитъ молодецъ,
Волны рѣжетъ весломъ

Шапка съ кистью на немъ
И кафтанъ съ галуномъ.
Онъ съ веревкой въ рукахъ
Къ бережку подплывалъ,
Лодку въ липъ привязалъ.
Какъ на томъ берегу
Новый теремъ стоялъ.
Какъ во томъ терему
Черногорка жила.
Растворяла окно,
По веревкѣ умно
Молодца подняла.
Молодецъ всее ночь
У нея пировалъ;
Утромъ рано съ зарей
Отправлялся домой.
Долго, долго искалъ
Воевода—жену.
И нашелъ онъ ее
На крутомъ берегу,
У злодѣя въ плѣну.

Ельники, Краснослободскаго у.

№ 97-й.

Изъ-подъ кустика, куста,
Кусточка ракитова
Тамъ бѣжитъ вода,
Водичка холодная,
Тамъ казачекъ коня поилъ.
Напоемши коня,
Сталъ его привязывать;
Привязамши коня,
Сталъ ему наказывать:
«Ужъ ты стой, мой конь,
Стой до той поры;
До той поры,
До бѣлой зари;
Отъ бѣлой зари
Вплоть до солнышка.
Высоко солнце взойдетъ,
Дѣвка за водой пойдетъ».
Дѣвка воду черпала,
Ведры ставила,
Съ дружкомъ рѣчи баяла,
Рѣчи тайныя, слова невыносныя.

Пурдошки, Краснослободскаго у.

№ 98-й.

Ночи темныя осеннія!
Всю ночь просидѣла,
Всѣ я думушки передумала.
Мнѣ одна думушка съ ума не идетъ:
Назвала я дружка своего горькой пьяницей.

Онъ пропилъ, промоталъ
Все имѣньице, все мое приданое,
Вороныхъ коней съ упряжкою.
На кабакъ идетъ шатается.
Съ кабака идетъ валяется,
Мною похваляется.

Пурдошки, Краснослободскаго у.

№ 99-й.

Ваня, разудала голова,
Сколь далека отъѣзжаешь отъ меня,
На кого же оставляешь, другъ, меня?
Аль на брата, аль на друга твоего?
Съ кѣмъ я буду эту зиму зимовать?
Съ кѣмъ прикажешь тепло лѣтичко гулять?
Гуляй, гуляй черноброва не одна;
Я уѣду жить во дальны города,
Не пріѣду ровно тридцать три года.
Я пришлю тѣ гостинецъ дорогой,
Съ руки перстень золотой.
Пойду, выйду за новыя ворота,
Погляжу я на улицу въ тотъ конецъ,
Не идетъ-ли мой разудалый молодецъ,
Не несетъ-ли мнѣ гостинецъ дорогой.

Пурдошки, Краснослободскаго у.

№ 100-й.

Скучное время, пройди поскорѣе,
Протекайте всѣ часы,
И минуты, и лютые дни!
Бѣдная дѣвчонка у окошка сидитъ,
Сама плачетъ и рыдаетъ,
Въ слезахъ рѣчи говоритъ:

«Долго-ль, долго-ль моему сердцу сокрушатися,
Долго-ль мучиться, страдать».
Пострадай-ка, дѣвчонка,
По своемъ миломъ дружкѣ.
Много видѣла во свѣтѣ,
Лучше дружка въ свѣтѣ нѣтъ,
Въ который день дружка увижу,
Весь денечекъ хожу весела;
И, въ который день не увижу,
Нападаетъ на меня тоска.
И съ этой тоски я съ горя
Пойду въ чистое поле
И въ темные лѣса.
Въ темныхъ лѣсочкахъ
Быстра рѣчка течетъ,
И во этой рѣчкѣ
Лебедей стая плыветъ;
Всѣ лебедки плывутъ попарно,
А мнѣ горькой пары нѣтъ.
Всѣ лебедки взвились, полетѣли,
А я горька осталась одна.
И пойду теперь я съ горя во зеленый садъ.
Во зеленымъ садочкѣ однѣ пташечки поютъ.
Поютъ онѣ, распѣваютъ на разные голоса.
Одна пташка канарейка жалобнехонько поетъ
И голосочекъ она мнѣ подаетъ:
Красная дѣвица, къ тебѣ миленькій идетъ!

Пурдошки, Краснослободскаго у.

№ 101-й.

Ничего въ степи не уродилося.
Уродился въ степи одинъ ковыль-травынька.

Во этомъ ковылю лежала дороженька;
Широка-ль она, долга-ли протянулася,—
Никто по ней не прохаживалъ.
Широка-ли дорожка долга-ли,—
Протянулась до самаго до Царицына.
Никто не прохаживалъ,
Никто слѣдику не прокладывалъ.
Тутъ шли, прошли молодые извощики;
У нихъ въ обозѣ сдѣлалось несчастьице:
Захворалъ молодой извощичекъ.
«А вы, братцы, мои товарищи,
Не оставьте меня при дикой степи.
Напишу я съ вами письмо родимому батюшкѣ,
А другое письмо родимой матушкѣ,
А третье письмо молодой хозяюшкѣ».

Пурдошки, Краснослоб. у.

№ 102-й.

Черныйворонъ,храбрыйвоинъ!
Что ты вьешься надо мной,
Распущаешь крылья когти
Надъ моей головой?
Ты послушай, черный воронъ,
Куда я тебя пошлю.
Ты слетай-ка, черный воронъ,
На родиму сторону,
Къ моей матушкѣ родимой;
Моей маменькѣ поклонъ,
Молодой скажи хозяйкѣ,
Что женился на другой:
Взялъ дѣвчонку тиху скромну
Въ чистомъ полѣ подъ кустомъ.
Востра шашка была свахой,
Угощала славно насъ.
Свинцовая пуля рѣзва
Изъ-за куста ранитъ насъ.
Распрелестныя черкаски
Приласкали славно насъ.

Пурдошки, Краснослободскаго у.

№ 103-й.

Черный воронъ удалой,
Что ты вьешься надо мной,
Надъ моею головой?
Ты послушай, черный воронъ,

Я куда тебя пошлю,
Ты слетай-ка черный воронъ
На родиму сторону;
Ты скажи-ка, черный воронъ,
Моей маменькѣ поклонъ,
Молодой моей хозяйкѣ,
Что женился на другой;
Взялъ дѣвченку тиху скромну
Въ чистомъ полѣ подъ кустомъ;
Остра шашка была свахой,
Угощала славно насъ.

Г. Наровчатъ.

№ 104-й.

(Зимнія дѣвичья:)

Охъ, ты рожь, моя рожь,
Съ мелкимъ колосомъ!
Поспѣвай, косарь,
Съ громкимъ голосомъ.
Ужъ ты, степь, кругомъ,
Степь казачья;
Какъ во той степи
Вѣтеръ и вьюга.
Во глухой степи
Замерзалъ ямщикъ,
Замерзалъ ямщикъ—
Сказалъ въ смертный часъ,
Сказалъ въ смертный часъ,
Онъ товарищу отдавалъ приказъ:
«Ты, товарищъ мой,
Не попомни зло!
Сбереги коня
Моему батюшкѣ,
Убери коня
На конюшню;
Ты скажи поклонъ
Моей маменькѣ;
Не забудь сказать
Женѣ молодой,
Чтобы она меня
Не ждала домой.
Молодая жена
Встрѣтила коня:
«Конь мой, конь,
Конь вороной мой!
Ты скажи-ка, конь,
Гдѣ хозяинъ мой?»
Конь ногой копатъ
Ничего не батъ.

Г. Наровчатъ.

№ 105-й.

Какъ во полѣ полюшкѣ
Елочка стоитъ,
Какъ подъ этой елочкой
Сударикъ лежитъ.

Воронъ—конь стоитъ,
Копытомъ бьетъ,
Воды достаетъ.
«Тебѣ тебѣ, конюшка,
Воды не достать,
А мнѣ добру молодцу
Со земли не встать»
Востань, востань, добрый молодецъ:
Армія идетъ.

Сулакъ, Чембарскаго у.

№ 106-й.

*
* *

Степь моя, степь Моздовская [1]),
Далеко-ли, степь, протянулася?
Протянулася отъ Царицына
До самаго Камышина.
Изукрашена степь большими дорогами,
Изусажена степь ельничкомъ, березничкомъ,
Молодымъ горькимъ осинничкомъ.
Никто по этой степи не прохаживалъ,
Никто слѣду не прокладывалъ.
Только шли-прошли молоды извощики,
Молодые все Коломенскіе.
Захворалъ занемогъ молодой извощичекъ,
Заболѣла у него буйная головушка.
Запросилъ отъ попа новаго,
Попа новаго—отца духовнаго:
«Причастите меня и исповѣдайте.
Мой наказъ вамъ, братцы-товарищи,
Схороните меня между трехъ дорогъ,
Между трехъ дорогъ на дикой степи.
И поставьте надо мной
Животворящій крестъ».

Аришки, Городищенскаго у.

1) Моздокская.

№ 107-й.

Не туманъ съ моря туманушка,
Туманъ—темный лѣсъ стоитъ.
На моемъ-то сердечушкѣ
Печаль съ горемъ лежитъ.
Со тово я съ горя съ печали
Всю я ночку не спала.
Много видѣла во снѣ:
Будто мой-то миленькій
Лежитъ на Ергитской сторонѣ,
Лежитъ въ травѣ—камышѣ;
Сквозь его реберъ—суставчиковъ
Камышъ-травка проросла;
Въ русыхъ его кудерюшкахъ
Ремезъ гнѣздышко свивалъ.
— Ужъ ты, ремезъ, ремезоночекъ,
Тонкій звонкій голосокъ!
Не съ одной-ли, ремезоночекъ,
Сторонушки ты со мной?
Ты скажи моей родной матушкѣ
Съ родимымъ батюшкой разнизкой поклонъ,
Молодой моей хозяюшкѣ—
Челобитіе съ письмомъ.
Молодой своей хозяюшкѣ
На двѣ волюшки даю.
Хошь во вдовушкахъ сиди,
А хошь за мужъ выходи!

Аришки, Городищенскаго у.

№ 108-й.

Тутъ шелъ прошелъ молодой маіоръ,
Маіоръ—самъ полковникъ
Разохотникъ барабанщикъ;
Барабаны бьютъ,
Намъ указы шлютъ;
Намъ указы шлютъ нерадостные:
Пришелъ Герей
На большихъ семей,
На двоихъ троихъ четверыхъ братьевъ.
Какъ и мать съ отцемъ
За столомъ сидятъ,
Они думу думаютъ:

«Намъ котораго сына во солдаты отдать?
Намъ отдать-ли не отдать большого сына?
У большого сына, жаль, дѣтей много.
Давай-ка отдадимъ сына средняго;
У средняго сына жена умна—скромна.
На ней весь домъ лежитъ,
И ключи висятъ отъ всѣхъ имѣніевъ».
Доставалось сыну малому—не женатому.
Какъ малый сынъ въ ногэхъ лежитъ,
Жербіекъ проситъ.
«Ужъ вы, дѣтушки мои милые!
Вы поѣзжайте во ракитовъ кустъ,
А вы вырѣжьте всѣ по прутчику,
Вы сдѣлайте всѣ по жребію,
Вы тряхните, дѣти милые, промежду себя».
Доставалось сыну малому—не женатому.

Сулакъ, Чембарскаго у.

№ 109-й.

*
* *

Выѣзжалъ майоръ на большой базаръ,
На большой базаръ, все на ярмарку,
Становился майоръ середи торгу,
Середи торгу—среди ярмарки;
Вынималъ онъ указъ—слезну грамоту.
И читалъ то онъ слезную всѣмъ болѣзную:
Изъ троихъ-то братьевъ восолдаты отдать,
Изъ четырехъ-то миновать нельзя:
На нихъ рядъ-то стоитъ первый жеребій.
Отецъ съ матерью догадалися,
Съ торгу съ ярмарки собиралися,
Всею ночь не спятъ, за столомъ сидятъ,

За столомъ сидятъ, думу думаютъ заединое:
Котораго-то сына намъ во солдаты отдать?
Большаго-то сына отдать—дѣтей много.
Середняго-то отдать—жена гожа [1]),
Жена больно гожа—услужливая,
Услужливая—по ней домъ стоитъ,
По ней домъ стоитъ, люди знаются.
Намъ отдать ли ни отдать сына малаго,
Сына малаго—не женатаго.
Какъ и малый сынъ расплакался,
Во слезахъ онъ рѣчь возговорилъ:
«Государь ты мой, родной батюшка,
Государыня, родна матушка!
Аль я вамъ, матушка, не тотъ же сынъ,
Аль не тотъ же сынъ кормилецъ былъ?»
Отецъ съ матерью рѣчь возмолвили:
«Вы намъ, дѣтушки, всѣ равнехоньки,
Ретиву сердцу всѣ роднехоньки,
Вы подите, дѣтушки, вдоль по улицѣ,
Вы зайдите дѣтушки въ новую кузницу,
Вы сдѣлайте всѣ по ножечку,
Всѣ по ножичку, всѣ по новому;
Вы подите дѣтушки во зелены луга,
Вы зайдите дѣтушки во ракитовъ кустъ;
Вы и вырѣжьте всѣ по прутешку,
Вы и вырѣжьте всѣ по жеребью;
Вы тряхните—дѣтушки, промежду себя».
Достался жребій сыну малому,
Сыну малому не женатому.
Малый-то сынъ расплакался:

---

1) Хороша.

«Плохой, ты, плохой мой таланъ,
Участочки мои горькіе.
На роду знать мнѣ участь записана».

Аришки, Городищенскаго у.

№ 110-й.

Попила наша буйная головушка
Попила она погуляла.
Ни за батюшкой, ни за матушкой,
За легонькой работкою.
Легка та работушка,
Легка она струговая [1]).
Не гребень мою головушку чешетъ,
Чешетъ ее пора—время,
Время—времячко.
Съ радости кудри вьются
Съ печалюшки сѣкутся.

Базарныя Дубровки, Красносл. у.

№ 111-й.

Мы по Питеру гуляли, по разнымъ мѣстамъ:
По трактирамъ, кабакамъ.
Мы не много гуляли,
Много денегъ извели.
Слышно было во губерни
Про рекрутскій про наборъ:
Намъ родители писали,
Чтобъ дѣти ѣхали домой
На машинѣ паровой,
Какъ возможно поскорѣй.
Вдоль мы по Питеру пройдемъ,
На почтовый дворъ взойдемъ,
Тройку коней мы наймемъ,
Ванюшеньку посадимъ кучеромъ.
Тройка скачетъ и бѣжитъ;
Ванюша плачетъ и сидитъ,
Самъ въ дороженьку глядитъ,
Какъ-бы вороныхъ коней не побить.

Пурдошки, Краснослобод. у.

[1]) Стругъ—плоскодонное судно.

№ 112-й.

Ахъ, ты, размилая моя матушка!
Ты не знаешь-ли моего горюшка?
Мое горюшко великое:
Всѣ товарищи мои поженилися,
А мнѣ молодцу жениться не велятъ,
Меня молодца во солдаты берутъ.
Ахъ, подуйте вы, вѣтры буйные!
Вы возмойте, тучи грозныя!
Вы пролейте, дожди сильные,
Разступись ты, мать сыра земля!
Ты возстань-ка, моя маменька родная!
Собери-ка, проводи-ка своего сынка!
Но не встала провожать милая матушка;
Провожали меня разныя тетушки и родныя сестрыньки.

Г. Наровчатъ.

№ 113-й.

Пѣсня изъ крѣпостного быта.

Гулялъ то я гулялъ,
Гулялъ разудаленькій,
Гулялъ въ темной ноченькѣ.
Ужъ не одинъ то я гулялъ,
Гулялъ со красной дѣвушкой.
Ужъ я взялъ-то, ужъ я взялъ,
Взялъ жену—негодяюшку,
Негодяюшка—жена разнесла худу славу,
Худу славу про меня.
Говорятъ про меня, про добра молодца:
Былъ я разудаленькій во разбойничкахъ,
Во разбойничкахъ я мальчикъ былъ.
Ужъ я воръ стоялъ,

Воръ стоялъ при большой дорожкѣ.
Ужъ я ждалъ-то ли, ждалъ я разудаленькій,
Ждалъ я три обозеца.
Вотъ и первый обозъ разбилъ,
Разбилъ разудаленькій, разбилъ съ бѣлой рыбицей;
Ужъ я еще то разбилъ, разбилъ разудаленькій,
Разбилъ со краснымъ товарищемъ;
Вотъ я еще-то разбилъ, разбилъ разудаленькій,
Разбилъ съ золотой казной.
Вотъ я и боюсь-то боюсь разудаленькій,
Боюсь отца съ матерью;
Вотъ я еще боюсь, боюсь разудаленькій,
Боюсь господина своего
И еще только боюсь, боюсь разудаленькій,
Боюсь—во солдаты отдадутъ.

Ельники, Краснослободскаго у.

№ 114-й.

Моя милка, какъ картинка,
А я лодарь да бурлакъ,
Безъ копѣйки пришелъ такъ,
Безъ копѣйки безъ рублевки,
Безъ суконной поддевки.
Мамашенька! дай рублевку
На суконную поддевку.
Мамашенька! дай другую
На пояску голубую.

Г. Наровчатъ.

№ 115-й.

Не послѣдній былъ фабричный,
Я на фабрикахъ живалъ,
Красный ситецъ набивалъ;
Получалъ денегъ не мало,
Сотъ я восемь рублей въ годъ.
Мнѣ въ деревню не хватало
Двадцати пяти въ оброкъ;
Безъ оброку была нужда:
Для красотки было нужно
Во ушки серьги жемчужны
И на ножки башмачки,

Выйдет праздникъ—душе-грѣйку
Сарафанчикъ съ галуной.
Соберемся мы въ избушку,
Когда мать съ отцомъ уйдутъ:
Тамъ мы сдѣлаемъ пирушку,
Только пыль столбомъ пойдетъ.
Прихожу домой безъ денегъ—
Отецъ съ матерью бранятъ:
«Эка, сынъ, ты нашъ без-дѣльникъ,
Куда денежки дѣвалъ?
Всѣ товарищи пришли,
Всѣ по триста принесли:
Шестьдесятъ въ оброкъ от-носятъ,
Двѣсти сорокъ на расходъ.
Отъ тебя мы не видали
Лѣтъ пять—больше ничего.
Полно, глупый, волочиться,
Не пора-ли тѣ жениться?»
Наконецъ Ваньку женили,
Больше нечва (нечего) тол-ковать,
И опять въ Питеръ пустили
Снова деньги наживать.
Одинъ годикъ постарался.
Сотъ пятокъ домой прислалъ.

Пурдошки, Краснослободскаго у.

№ 116-й.

Весь я пропился, прогулялся
По трактирамъ изваляился,
По проклятымъ кабакамъ.
Меня товарищи собрали,
Въ сумку стружекъ напихали,
За ворота провожали.
«Ты ступай, ступай, землякъ домой».
Шелъ я лѣсомъ, палкой опи-рался,
Каждый кустикъ надо мной смѣялся:
Этъ (это) горькій пьяница до-мой идетъ.
Подходилъ я близко къ дому,
Меня маменька встрѣчала:
«Ужъ ты, миленькій сыно-чекъ!
Давай поглядимъ въ кошеле-чекъ».
«На меня злые люди напали,
Кошелечекъ съ деньгами от-няли:
Пришлось идти домой пѣш-комъ».

Пурдошки, Краснослободскаго у.

V. Игорныя, хороводныя и шутливыя пѣсни.

Игорныя и хороводныя пѣсни имѣются также въ отдѣлахъ пѣсенъ обрядовыхъ и свадебныхъ. Но тамъ онѣ пріурочены къ извѣстнымъ временамъ года и извѣстнымъ обстоятельствамъ. Помѣщаемыя же здѣсь пѣсни такого пріуроченія не имѣютъ и распѣваются въ различное время и при различныхъ болѣе или менѣе подходящихъ обстоятельствахъ и случаяхъ.

№ 117-й.

Какъ на дубчикѣ два голубчика сидятъ,
Ахъ-ли, ахъ—люли, люли, люли!
Они баютъ разговариваютъ,
Ахъ-ли, ахъ—люли, люли, люли!
Добраго молодца выхваливаютъ:
Ахъ-ли, ахъ—люли, люли, люли!
Дюжъ хорошъ, пригожъ Василій господинъ,
Ахъ-ли, ахъ—люли, люли, люли!
Дюжъ хорошъ, пригожъ Петровичъ господинъ,
Ахъ-ли, ахъ—люли, люли, люли!
Онъ съ тысячи на тысячу ступалъ,
Ахъ-ли, ахъ—люли, люли, люли!
Миліонами по городу шибалъ,
Ахъ-ли, ахъ—люли, люли, люли!
Изъ неволюшки сиротокъ выкупалъ;
Ахъ-ли, ахъ—люли, люли, люли!
Вы сироты, вы сиротушки мои
Ахъ-ли, ахъ—люли, люли, люли!

Помолитесь Богу обо мнѣ,

Ахъ-ли, ахъ—люли, люли, люли,

Чтобъ меня Богъ помиловалъ.

Ахъ-ли, ахъ—люли, люли, люли!

Государь чиномъ повысилъ.

Ахъ-ли, ахъ—люли, люли, люли!

С. Болкашино, Чембарскаго у.

№ 118-й.

Мухи—комары, вы комарики мои!
Не летайте, комары, во мой зеленъ садъ,
Не кусайте мое бѣлое лицо:
Бѣлое лицо разгорѣлось горячо,
Разгорѣлось-разболѣлось, словно аленькій цвѣтокъ.
Аленькій цвѣтокъ далеко въ полѣ цвѣтетъ,
Гдѣ Сашурынька живетъ, гдѣ Сашура гуляла?
Со травы цвѣты рвала, на рѣченьку мыть пошла;
Бѣлехонько вымыла, тугохонько выжала,
Сухохонько сушила, частымъ ситомъ сѣяла,
Лепешечки мѣсила, мила дружка кормила...

Афишки, Городищенскаго у.

№ 119-й.

Остатокъ прежнихъ величій
Противъ дома садъ цвѣтетъ.
Во саду дорожка.
Лѣстно будетъ посмотрѣть,
Сидя у окошка.
Здѣсь за графиномъ съ водой
Дѣвица проходила
И съ улыбочкой такой
Рѣчи говорила.
Ей молодецъ говоритъ:
«Будь мнѣ знакома;
Сплю я вижу навсегда
Въ голубомъ васъ платьѣ;
Ваша русая коса

Вся цвѣтами убрана;
На рукѣ у васъ кольцо,
Вижу, золотое,
Въ кольцѣ камушекъ алмазъ.
Поцѣлую пять сотъ разъ».

Сулакъ, Чембарскаго у.

№ 120-й.

Золотое колесо, ходитъ мальчикъ хорошо.
Походочка его семисотенная,
Поговорочка его пятисотенная,
Гдѣ ты, мальчикъ, долгобылъ?
Былъ я у Володи,
Заказалъ я сертучекъ—
Спить по новой модѣ.
По бульвару я гулялъ;
Гулялъ и нагулялся;
И на барышню смотрѣлъ
Смотрѣлъ и насмотрѣлся.
Передъ ней стоитъ стаканъ,
Передо мною чаша.
Я заплакалъ, зарыдалъ,
Прощай, душа Маша.

Г. Наровчатъ.

№ 121-й.

Полно, пташечка, надъ озеромъ летать,
Полно, милая, объ дѣвушкахъ страдать!
Не страдай-ка, мой мучитель дорогой:
Мы когда-нибудь увидимся съ тобой:
Подъ кудрявой яблонкой садовой
Растетъ цвѣтикъ не оцѣненный дорогой,
Кто сорветъ его холодною рукой,
Онъ въ твоей рукѣ повянетъ, опадетъ,
Во моей рукѣ просвѣтитъ, разцвѣтетъ,
Всю головушку украситъ, уберегъ,
Поцѣлуетъ и назадъ пойдетъ.

Базарныя Дубровки, Краснослоб. у.

№ 122-й.

Ѣхалъ мальчикъ изъ Казани
Полтараста рублей сани,
Пятьдесятъ рублей дуга
Мальчикъ дѣвочкѣ слуга.
Прикажите, господа,
Во Казань—городъ сходить,
Въ нову лавочку зайтить,
Плису, бархату купить.
Плисъ мой, бархатъ твой,
Во сто рублей платье.
Кому это платьице,
Кому подарить.
Дарить краснымъ дѣвушкамъ,
Любить добрыхъ молодцевъ,
Любить—любоваться,
Семь разъ цѣловаться.

Базарныя Дубровки, Краснослободскаго у.

№ 123-й.

(Пѣснь молодыхъ мужиньковъ).

Какъ на блюдичкѣ на сере-
бряномъ,
Золотой на немъ вѣнокъ,
Какъ у Василія у Ивановича
Хорошонекъ разумокъ:
Гдѣ ни ходитъ—ни гуляетъ,
Ночевать домой приходитъ...
Ой, ты, Машенька, ты, Ва-
сильевна,
Ты бы вышла, меня встрѣтила.
Не досужено мнѣ тебя встрѣ-
чати,
Не досужено мнѣ тебя вели-
чати:
Сына милаго качаю,
Сына милаго качаю—
Перемѣны себѣ чаю.

Перемѣна дорогая—
Служаночка развѣрная,
Кабы сынъ, кабы дочь.
Перемѣнушка большая.

Г. Наровчатъ.

№ 124-й.

(Четыре дѣвки образуя крестъ).

Пошла дѣвка за водой,
За холодной ключевой,
За ней парень молодой,
За ней парень ровно баринъ
Кричитъ: «дѣвица, постой!
Красавица погоди,
Бѣлы ручки подожми
Бѣлы ручки къ бѣлой груди;
Пойдемъ вмѣстѣ за водой;
Пойдемъ вмѣстѣ, найдемъ двѣстѣ—
Намъ по сотенькѣ съ тобой,
Намъ по сотенькѣ съ тобой
По рублевочкѣ одной».
— Ужъ ты, парень-паренекъ,
Твой глупенькій разумокъ,
Не кричи во весь ротокъ:
Мой батюшка у воротъ
Зоветъ меня въ огородъ
Чесноку, лучекъ полоть,
Часть гряды поливать,
Цвѣты алы сорывать.
Я по цвѣтику ходила,
По лазуревому гуляла;
Не нашла цвѣта алаго
Супротивъ своего милова.
Мой миленькій гожъ,
Чернобровый дюшъ пригожъ,
Мнѣ подарочекъ принесъ...
Мнѣ не дорогъ твой подарочекъ
Дорога твоя любовь.

Г. Наровчатъ.

№ 125-й.

Погляжу я въ половню
Рында [1]) суетъ голову,
Погляжу я въ сѣнницу
Рында тѣшитъ мельницу,
Погляжу я на печь
Рында лежитъ плачетъ,
Погляжу я на палати
Рында лежитъ на халатѣ,
Погляжу-ли я на кутъ [2])
Рында лежитъ, какъ хомутъ,

[1]) Царскій тѣлохранитель.

[2]) Широкая лавка въ заднемъ углу избы.

Погляжу на коникъ [1])
Рында лежитъ—стонетъ,
Погляжу-ли я на брусъ
Рында лежитъ, какъ арбузъ.

С. Сулакъ, Чембарскаго у.

№ 126-й.

Однажды турокъ съ нѣмцемъ
Сошлись въ одинъ кабакъ.
Турокъ куритъ трубку,
А нѣмецъ сидитъ такъ.
Турокъ по турецки,
Нѣмецъ по нѣмецки;
Турокъ: тра ля, ля.
Нѣмецъ: ла, ла, ла.
Русскій братъ умнѣе
Далъ турку тумака.
Нѣмецъ похитрѣе
Бѣжать изъ кабака,
Въ ту самую сторонушку,
Гдѣ милая живетъ
Ура! Ура! Ура!
Гдѣ милая живетъ.

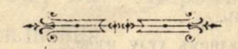
С. Сулакъ, Чембарскаго у.

№ 127-й.

Торгуетъ шинкарочка
Пивомъ и виномъ,
Пивомъ и виномъ
И сладкимъ медкомъ.
У этой шинкарочки,
Пьютъ три молодца:
Русакъ и Полякъ
Да съ Дону казакъ.
Русакъ водку пьетъ,
Червонцы даетъ.
Казакъ водку пьетъ
На обманъ беретъ:
«Подайка, шинкарочка,
Мнѣ ты полбутылочку.
Поѣдемъ, шинкарочка,
На море—тихій Донъ».
Согласна шинкарочка
На его слова, слова ласковыя:
«У насъ на Дону
Ни ткутъ, ни прядутъ,
Да чисто ходятъ».

Г. Наровчатъ.

[1]) Лавка у дверей въ видѣ длиннаго ящика.

II. БЫТОВЫЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ МОРДВЫ—„МОКШИ"

(по центральному говору).

Составилъ и перевелъ

Дѣйст. Членъ Губ. Стат. Комитета Свящ. Барсовъ.

№ 1-й.

Славный ежикъ богатырь
На будняхъ состряпалъ пиръ.
Его женка—атаманъ
Выговоромъ—молдаванъ(ка).
Мужъ на этомъ берегу,
А жена-то на другомъ.
Встосковался онъ по ней,
А она въ тоскѣ по немъ.
Славный ежикъ богатырь.
На будняхъ состряпалъ пиръ,
Семи лѣтъ быка убилъ,
Бочку меду наварилъ,
Всѣхъ звѣрей къ себѣ созвалъ
Всѣхъ и птицъ онъ пригласилъ:
«Переправьте-ка меня
Вы доставьте-ка къ женѣ».
Дятелъ выдолбилъ челнокъ
Земляная мышь весло.
Сѣлъ старикъ въ тотъ новый чолнъ,
Важно по водѣ плыветъ.
Выплылъ онъ на глубину—
Дунулъ сильный вѣтерокъ
И поднялся ураганъ;
Тогда дятелъ улетѣлъ,
Земляная мышь ушла,
И застрялъ въ волнахъ старикъ.
Полетѣлъ-бы—крыльевъ нѣтъ,
Побѣжалъ-бы—суши нѣтъ.
Плылъ-бы—смѣтки нѣтъ.
За верхи волнъ онъ цѣпляется
Борется съ водой да молится:
О, «Ведь-атя», «Ведь-ава»![1])
Ты волненіе усиль
Вихрь сильнѣйшій подыми
Донесите-ка меня
Переправьте-ка къ женѣ!
Вихрь усилился тогда
Вѣтеръ бѣшено пахнулъ
И какъ легонькій цвѣтокъ
Переправилъ старика
И поставилъ предъ женой.

№ 2-й.

Охъ, ты разнесчастный
Тимань Иганя! (Игнатій Тимофѣевъ)
Тимань Иганя—
Что ползкомъ ходитъ
Что лишь землю ѣстъ!

---

[1]) Ведь-атя, Ведь-ава—нѣчто въ родѣ бога и богини, живущихъ въ водѣ и управляющихъ ею. Они имѣютъ большое вліяніе на жизнь человѣка.

Три годочка онъ
Прожилъ въ зыбочкѣ
Пять годочковъ онъ
Одну грудь сосалъ;
Семь годочковъ онъ
Одну кашку ѣлъ;
Въ глупомъ разумѣ
Поженёнъ онъ былъ.
Поженёнъ онъ былъ
И надорванъ весь
Въ дѣтскомъ разумѣ
Отданъ въ рекруты.
Прослужилъ Игнатъ
Одинъ годъ, иль два,
А на третій годъ
Онъ домой пришелъ:
Къ воротамъ подшелъ
Онѣ заперты,
Подошелъ къ окну
Окно заперто.
Видитъ ужинъ онъ
Всей семьи своей:
На конькѣ [1]) сидитъ
Родной батюшка,
У свѣтца сидитъ
Родна матушка,
Красну лавочку
Братья заняли
Въ домѣ топчатся
Ихъ супружницы
Надъ солдаткою
Насмѣхаются.
А солдатка-то
На кутѣ [2]) сидитъ
На ней платьице
Снѣгу бѣлаго,
По бокамъ она
Разукрашена,
Лента бѣлая
На головушкѣ,
Конецъ ленточки
Зубомъ закушенъ.
Что работаетъ
Она горькая?
Пьетъ слезу свою
Горемычную.
Постучался тутъ
Въ ворота Игнатъ
«Вяхъ» залаялъ вдругъ—
Злой цѣпной ихъ песъ—
Отперла тогда
Сноха старшая
— Впустила она
Въ домъ Игнатушку.
Онъ въ подарокъ далъ
Отцу сто рублей
— Онъ кормилицѣ
Полтораста далъ
Милой женушкѣ
Три сотняшечки.

---

[1]) Конекъ—въ простомъ русскомъ народѣ «Коникъ»,—лавка, извѣстнымъ образомъ устроенная.
[2]) Кутъ, кутникъ—непочетная лавка въ избѣ.

№ 3-й.

Ой, Потьма, Потьма [1]),
Поле потьминско,
Поле потьминско,
Бугорочекъ тамъ!
На бугорчикѣ,
Бьетъ тамъ родничокъ,
Въ этомъ родничкѣ
Мѣдный ковшичокъ.
Ой, идутъ, пройдутъ, (прохожіе)
Тамъ водичку пьютъ.
Старенькіе пьютъ—
Моложавѣютъ;
Молодые пьютъ
Ростомъ старѣютъ.
Вкругъ поля стоитъ
Раззеленый лѣсъ,
Словно шолкомъ онъ
Одѣтъ листьями;
Какъ медвѣди въ немъ
Всѣ ревутъ дубья
Словно змѣи въ немъ
Березы шипятъ,
А осины въ немъ
Съ грохотомъ скрипятъ.
Между тѣхъ осинъ
Старый дубъ стоитъ;
Изгибаются
Его вѣточки
Извиваются (съ шелистомъ)
Его листики;
На дубу на томъ
Птичье гнѣздышко,
А въ томъ гнѣздышкѣ
Птичка вѣщая
Птичка вѣщая
Чорный воронъ тамъ.
Подъ дубомъ сидитъ
Молодецъ мордвинъ
Молодецъ мордвинъ
Самъ охотничекъ;
Какъ вокругъ него
Его борзыя;
Какъ вязовый лукъ
На колѣночкахъ,
Калена стрѣла
Въ сильной рученькѣ
На концѣ стрѣлы
Конскихъ пукъ волосъ.
Какъ вязовый лукъ
На колѣночкахъ,
А что въ смысляхъ-то
У охотничка,
Что на разумѣ
У молодчика?
Застрѣлю, убью
Чорна ворона,
А я пухъ пущу

[1]) Потьма—деревня на границахъ, Наровчатскаго и Краснослободскаго уѣздовъ.

По поднебеси,
А я перышки
По верхамъ деревъ.
— Не стрѣляй, парень,
Не губи меня,
Дай мнѣ высказать
Что за жизнь моя:
Отца властнаго
Первородный сынъ—
Я родитель ми
Проклятъ на вѣки:
Коль убьешь меня,—
Обездолишся,
Умретъ твой отецъ
Умретъ мать твоя
И лишился ты
Молодой жены,
Распростишься ты
Съ крошкой дѣтищемъ.

Тутъ онъ выстрѣлилъ
Въ птицу вѣщую:
И онъ пухъ пустилъ
По поднебеси,
А всѣ перышки
По главамъ деревъ.
Тутъ же померли
Отецъ съ матерью,
Померла его
Молода жена,
Померла она,
Съ крошкой дѣтищемъ.
И ударились
Обѣ рученьки,
Заломилися
Десять пальчиковъ,
Вопитъ, плачетъ онъ
Горькій молодецъ.

№ 4-й.

По загуменью,
Вдоль по рѣченькѣ,
Вдоль по рѣченькѣ
Бѣжитъ дѣвица.
Вотъ бѣжитъ она
Озирается;—
Кинетъ взглядъ назадъ
За ней волкъ бѣжитъ
Кинетъ взглядъ назадъ
За ней волкъ бѣжитъ,
Кинетъ взглядъ впередъ—

Къ ней медвѣдь идетъ.
Подкосилися
Быстры ноженьки,
Разорвалося
Сердце дѣвицы.
— Ты не бойся-ка,
Красна дѣвица:
Я не быстрый волкъ,
Я не злой медвѣдь.
А я уличный
Твой сердечный другъ,

Задушевныхъ словъ
Выяснитель твой.
Ты скажи-ка мнѣ
Рѣчь завѣтную:
Ты согласна-ли
Стать моей женой,
Ты согласна ли
Стать моей женой
И ты будешь ли
Мнѣ подругою,
И ты будешь ли
Стлать постельку мнѣ
Стлать постелюшку
Съ изголовьицемъ?
— Хоть не йду ёще
Й не брезгаю:
Ахъ вѣдь знаешь ты
Всю любовь мою;—
Я люблю твою
Поступь дивную
Крѣпче же люблю
Сладку рѣчь твою
Крѣпче же люблю
Сладку рѣчь твою,
А въ рѣчахъ твоихъ
Нѣгу сладкую.
Не люблю лишь я
Твоего отца,
Отца батюшки
И съ кормилицей (вмѣстѣ съ матушкой).
Вѣдь съ твоимъ отцомъ
Не прокормишься
Ляжешь спать при немъ—
Такъ не выспишься;
Съ твоей матушкой
Не истопишь печь;
Не истопишь печь,
Не сваришь ѣды;
А съ сестрой твоей
Не напрясть-то мнѣ,
Не напрясть-то мнѣ
И не выткать, что.
— Ты не бойся-ка
Маво (моего) батюшки
Не взирай-ка ты
На кормилицу;
Не взирай-ка ты
На кормилицу
Не гнушайся-ка
И сестрой моей:
У кормилеца
Глухи ушеньки,
У кормилицы
Слѣпы глазыньки.
У кормилицы
Слѣпы глазыньки
Гой, сестра моя
Обезножена.

№ 5-й.

Ой, иду, иду—
Не видать села,
Не видать села,
А видать лѣсокъ.
И виднѣется въ лѣсу
Домикъ безъ стропилъ,
Въ немъ беззубая видна
Старушоночка.
Отъ окна въ окно
Все глядитъ она.
Чего-жъ ждетъ она
И чего глядитъ?
Дуню Митреву [1])
Она ждетъ къ себѣ,
Дуню Митреву
Въ окна выглядитъ.
Въ полѣ по пути
Пыль виднѣется
Лѣсомъ издали
Гомонъ слышится:
Ѣдутъ тѣмъ путемъ
Три наѣздника,
Чище золота
Ихъ колесыньки;
Свѣтло серебро
Ихъ повозочка.
Въ той повозочкѣ
Дуня Митрева,
Дуня Митрева
Раскрасавица;
Справа съ ней сидитъ
Изъ Ногайцевъ князь;
Слѣва съ ней сидитъ
Самъ ихъ атаманъ.
Передъ ней сидитъ
Ихъ же молодецъ.
Какъ доѣхали
До лѣсной глуши,
Какъ приблизились
Къ дому безъ стропилъ
Та беззубая (жена стараго Ногайца)
Вышла встрѣтить ихъ,
Вышла встрѣтить ихъ,
А сама ворчитъ:
— Что зачѣмъ пришла
Вѣдьма черная?
Что терзала ты
Моего сынка?
Теперь будешь ты
Пареньку женой,
А мнѣ будешь ты
Правою рукой.

---

[1]) Авдотью Дмитріевну.

№ 6-й.

Охъ, мурза, мурза,
Лютый, злой мурза!
Ужь и гдѣ мурза
Уродился-то,
Да и гдѣ онъ злой
Возрастился-то?
Уродился онъ
Во большомъ лѣсу,
Во большомъ лѣсу
Во крутомъ яру;
Возрастился онъ
На лѣсномъ краю,
На краю лѣса,
Въ лозовой чащи.
Ужь и кто мурзу
Воспоилъ, вскормилъ,
Ужь и кѣмъ злодѣй
Былъ обутъ одѣтъ?
Охъ, злымъ звѣремъ онъ
Воспоенъ, вскормленъ,
Дикимъ волкомъ онъ
Былъ обутъ, одѣтъ;
Не стыдится онъ
Земли матушки,
Не боится онъ
Неба свѣтлаго;
Онъ по разуму
Злобный, лютый звѣрь,
А по мыслямъ-то
Ненасытный волкъ.
Ружье звонкое
На рукѣ у пса,
Сабля вострая
Справа при бедрѣ.
На концѣ села
Стоитъ новъ теремъ,
Въ немъ старушенька
Плачетъ горькая;
Сынка дитятко
Ждетъ несчастная,
Сынка дитятко
Смотритъ горькая.
— Ты не жди-ка ужь
Своего сынка,
Не смотри-ка ты
За единственнымъ:
Вѣдь сыночекъ твой
Далеко въ лѣсу,
Далеко въ лѣсу
Во крутомъ яру;
Бѣлъ—березынька—
Гдѣ головушка,
Липка мшистая—
Тамъ, гдѣ ноженьки;
Птицы хищныя
Клюютъ глазыньки,
Птицы алчныя
Тащатъ костыньки.
Тутъ ударились
Горькой рученьки,

Заломились всѣ
Десять пальчиковъ,
Вопитъ старая
Горькимъ голосомъ,
Говоритъ мурзѣ
Разнесчастная:
«Ты зачѣмъ убилъ
Мое дѣтище,
Ты на что сгубилъ
Ненаглядное?»
— Я сынка убилъ
Лишь за шапочку,
А я дочь убилъ
За застежечку.

Образцы мордовскихъ загадокъ.

Ёфкст [1]).

1) Сей яфъдян,тов яфъдян,—ингелен народ пърдан.

2) Тяряц ули,—аляп ашь; иденз' улихьть,—ърь вац ашь.

3) Кафта братт фке кудса касыхьть: фкаста севан кеденц, ёненц; омбъцеста аньцяк кеденц.

4) Сувамняста —мака паньчфь, лисемняста,—шуж*яе*рь кандф.

5) Марс шачсьть, марс кассьть, а фкесь ёню, фкесь дурак. Ёнють паньдяксса пъкссазь, дуракть понацам лангс мадсазь.

6) Панда пряса ломаньпрят кеверькшнихьть.

7) Паксяс' Агап, прясънза калпак, пильгънзън вяреть, пряц алуа.

8) Мон видян сёра: корянец вяре, пряц алуа.

---

[1]) **Примѣчаніе**. Въ Мордовскомъ языкѣ есть нѣсколько звуковъ, невыразимыхъ знаками русскаго алфавита. Напр. ЯЕ = среднему изъ Я + Е; въ текстахъ онѣ обозначены курсивомъ.

9) Щаф-каряф сёкса, соньць лата покса.

10) Монь ули учан*яе*зе,—*яе*рь шин*яе* сифтемь пона наран эздънза.

11) Аф шись няйсы, аф ковсь няѓсы,—сяда киза эрямац.

12) Сай т*яе*пень—т*яе*пене, соньць таза л*яе*п*яе*не.

13) Ашенцты мон маредян, ламънцты пекь аварьдян.

14) Аф поран, аф пъка,—коняц пешксе сюръда.

15) Перьфкан якай аван*яе*, сялъндъзьне прянц паръиды.

16) Ласькcь мази ат*яе*зе, сембе велеть фатязе.

17) Сіят пацят кореньцят; ётай фкене—кафтъне,—пешь—лашь—мезевък ашь!

18) Моньцень мази стирезе сембе велеть нилезе.

19) Шичавдънга ёлма, церькавдънга оцю.

20) Молян аф нурдса, аф крандазса; аф ялга, аф алашаса.

21) Юда пърдась конакънзън: толса къртасыне, качамняса суфтасыне, омба шин*яе* ёрясыне, мандса-мандса ъшкъ лясыне.

22) Тясънг' ат*яе*, эсънг' ат*яе*, кучканяса матя: ломань кармай сувама, Матясь кармай ърнама.

23) Вакстънга маласа, Питерьденьге ичкизе.

24) Соньцень атять честец ашь, родной цёранц віец ашь, севсь пріёмышь—ёнец ашь.

25) Паксясь кевень, постуфсь кшнинь; паксясь афъ ардъви, постуфти аф кирьдеви.

26) Вири тумста куду ваны, куду самста вири ваны.

27) Корбън ронга атязе видефь паксять ласьтязе.

Отвѣты.

Содамат.

1) Постуфсь. — Пастухъ, собирающій стадо. (Сюда махну, туда махну, къ себѣ (передъ себя) народъ сбираю).

2) Тишесь.	(Трава. Мать имѣетъ, отца нѣтъ: дѣтей имѣетъ, жены нѣтъ).
3) Каньтьфьсь, пазяйсь.	(Конопель, кудель).—Два брата въ одномъ домѣ растутъ: съ одного беру и разумъ и шкуру, а съ другого только шкуру).
4) Пьяньницяйсь.	(Пьяница. При входѣ въ кабакъ—маковъ цвѣтъ; а при выходѣ-то возъ назьму).
5) Каньтьфьсь, пазяйсь.	(Моченецъ и кудель).—Вмѣстѣ родились и выросли; одинъ умный, а другой глупый. Умнаго въ смялкѣ мнутъ, а глупаго на перину кладутъ).
6) Кефьтне.	(Камни. На горѣ человѣчьи головы валяются).
7) Сока.	(Соха. На полѣ Агапъ,—на головѣ у него колпакъ, ноги вверху, голова внизу).
8) Сурась.	(Просо. Я сѣю хлѣбъ: корень вверху, вершина внизу).
9) Атя-Куркась.	(Индюкъ. Принаряженъ чисто, только къ хлѣву близко).
10) Тьякссь.	(Полъ. У меня есть овечка: каждый день беру съ нея по рѣшету шерсти).
11) Сяезъмсı.	(Сердцевина. Ни солнце, ни мѣсяцъ не видитъ ее, а вѣку сто лѣтъ).
12) Ловсь.	(Снѣгъ. Придетъ тихонько, ляжетъ мяконько).
13) Толсь.	(Огонь. Нѣтъ его—страдаю, много его—рыдаю) (ищу).
14) Латъсь.	(Сарай. Не баранъ и не быкъ, а лобъ полонъ роговъ).

15) Саразсь. (Кудахтающая курица.—Ходитъ около меня молодушка, своей руганью похваляется).

16) Пожарсь. (Пожаръ. Прибѣгъ мой красный старикъ и схватилъ (съ собой) все село).

17) Яйсь. (Ледъ на рѣкѣ. Среброкрылыя горницы;—пройдетъ одинъ, два—трахъ трахъ—и отъ горницы прахъ!)

18) Пожарсь. (Пожаръ. Моя дочь красавица все село сглонула).

19) Толсь. (Огонь. Меньше блохи, больше церкви).

20) Соксса. (Ходъ на лыжахъ.—Иду не на саняхъ, не на телѣгѣ, не пѣшкомъ, не на лошади).

21) Авъньсь. (Овинъ. Юдка собралъ гостей: на огнѣ ихъ поджариваетъ, на дыму ихъ подсушиваетъ; на другой день выбрасываетъ да дубьемъ околачиваетъ).

22) Ортась. (Ворота. И тутъ старикъ, и тамъ старикъ, а между нихъ Матрена; человѣкъ начнетъ входить, Матренка начнетъ вопить (рычать).

23) Шись. (Солнце. Ближе четверти—дальше Питера).

24) Пивась. (Пиво. Самъ старикъ безчестенъ, (недостоинъ почета) родной сынъ его безсиленъ, а взятый пріемышъ безуменъ).

25) Шовамакевьсь. (Точило. Поле каменно, пастухъ желѣзный; поле не укатится, да и пастухомъ не сдержится).

26) Узерьськаркстьэшкса. (Топоръ за поясомъ. Выходя изъ дома, въ домъ глядитъ, а возвращаясь изъ лѣсу домой, въ лѣсъ глядитъ).

27) Тарваясь. (Серпъ. Горбатый старичекъ все поле осѣдлалъ).

